

Дана Војво

БЕЛНО ВЗЯТА
ПОЗЕМЬ

2017

Annotation

Алена очнулась в лесном овраге. Где она? Кто ее друзья? Кто враги?

Когда Прошла Амнезия

Сначала был свет. Серый неяркий, а по краям колебались лохматые тени. Потом появилась резкость. Увиделся клочок неба в обрамлении странных шевелящихся ветвей. Постепенно появилось ощущение дискомфорта. Холод и мокро. Боль в голове. Тяжесть. Ноги не чувствуются. Организм включал системы жизнеобеспечения и находил все новые неполадки.

Я пошевелила пальцами левой руки, потом правой, вроде бы можно доверять. Сделала усилие и приподнялась, с трудом оглядывая местность. Вокруг колыхалась высокая трава, которую я сначала приняла за ветви. "Осока" выплыло из глубин сознания.

Посмотрела вверх. Надо мной поднимались глинистые стены глубокого оврага, а совсем на недосягаемой высоте темнели сосны.

Я перевела взгляд на свое тело, оно было обнажено и полусасыпано глиной, но кажется без видимых повреждений. Попробовав пошевелить ногой, поняла, почему я их не чувствую. На них насыпался целый холм желтой глины. Я стала медленно отгребать глину со своего тела, попутно оглядываясь по сторонам.

Судя по осыпи, я свалилась с левой стороны оврага и упала на дно ручья. Мне очень повезло, что упала на относительно мягкое дно без острых камней и щебня. Наконец я очистила тело и ноги от глины, с усилием повернулась набок, встала на четвереньки и рассмотрела место своего недавнего ложа. Кусок голубой тряпки вызвал смутные ассоциации с чьим то оскаленным лицом. Я осторожно поднялась во весь рост и непроизвольно охнула, болело все вымазанное глиной тело.

Нужно помыться, но у меня не было сил возвращаться в холодную воду ручья. Я взглянула вверх, там как каньон, высились крутые стены оврага. Невозможно залезть, но возможно поискать выход и он обязательно найдется. С этой нехитрой идеей побрела рядом с текущим по дну ручью.

Я не задавалась вопросом, как я сюда попала. У меня не было сил на мысли и анализ положения, просто передвигалась, часто присаживалась и отдыхала. Слава богу, мои кости целы, только ушибов много, особенно сильно болит голова. Я не помнила, сколько прошла, когда наконец увидела пологий спуск, поросший молодыми сосенками.

Вновь встала на четвереньки и полезла наверх, обдирая колени об сучки и колючую хвою. Подъем отнял все силы, и уже перевалившись наверх, я доползла до первой сосны, упала и потеряла сознание.

В чувство меня привел сильный дождь.

Продрогшее нагое тело поливали хлесткие струи осеннего небесного душа. Я не знала, куда спрятаться от холодной воды. Единственный позитивный момент был в том, что глина вся смылась с моего тела, но зато пугающе выступили огромные синяки и кровоподтеки. Я осмотрела мое собственное тело. Если не считать повреждений, оно выглядело поджарым, с маленькими грудями и крепкими мускулистыми ногами.

Я не помнила о себе ничего, только названия некоторых предметов хаотично проявлялись из сознания. Было понимание, что я в лесу и только что прошла гроза, а еще, что обязательно нужно укрытие.

Я двинулась вперед. Туда, где сквозь ветки проглядывало солнце, держась его, как

единственный ориентир. Шла долго, часто останавливаясь и отдыхая, а когда солнце склонилось к закату, я услышала совсем рядом голоса людей.

Сквозь кустарники впереди просвечивала дорога, а прямо через нее располагались дачи окруженные редкозубыми заборами. Около крайней деревянной дачи с остроконечной крышей стоял грузовик нагруженный мешками с картошкой. Дородная тетка в кузове рассовывала какую то утварь, а мужчина заперев калитку, обматывал цепью для верности. Хотя через забор при желании можно было бы легко перескочить.

Закончив укрепление калитки, дачник неторопливо прошелся вокруг усадьбы, напоследок окидывая хозяйским взглядом и важно сел в кабину. К нему присоединилась тетка. Грузовик закашлявшись, выпустил облако вонючего дыма и тронулся по дороге направо от поселка.

Постепенно смолкли голоса других дачников и солнце коснулось горизонта. Я сидела в кустах, съезжившись и ждала темноты. Я не ведала стыда в своем нагом виде, просто знала, что мне нужно спрятаться от людей, они сейчас моя главная опасность.

Когда совсем наступила ночь, я выползла странным белым животным и как могла быстро переползла дорогу, направившись прямо к той крайней даче, от которой уехала семейная пара. У забора буйно росли пыльная высокая лебеда и лопухи, меня это очень устраивало.

Я ползла вдоль забора под прикрытием травы, ища хоть какую нибудь прореху. Мне повезло, две серые шпакетины держались только на одних верхних гвоздиках. Я отодвинула их и протиснулась внутрь усадьбы, оказавшись рядом с выгребной ямой для компоста, а потом села на корточки и огляделась.

При свете луны виднелись грядки с засохшими помидорными стеблями, на которых угадывались горошины поздних помидоров. Водопроводная колонка, под ней пластмассовое ведерко. Типовая дача с верандой, на входной двери замок, у забора небольшой сарай закрыт на вертушку.

Я заползла в сарай. Там нащупала несколько дырявых мешков, какие то инструменты, ящик с гвоздями.

В ветхом мешке гвоздем углубила имевшуюся в центре дыру, и продрала две по бокам. Надела мешок как платье, просунув руки в боковые дыры.

Одежде из дерюги все таки лучше, чем совсем никакой. Уже осмелев, прокралась на огород и оборвала все помидоры, которыми побрезговали хозяева. Съела их в сарае, усевшись на мешок и укрывшись другим, и опять провалилась в забытье.

Ранним утром я услышала голоса, от которых тут же подскочила и приникла к щели в стене сарая. Двое мужчин стояли у калитки. Один широколицый высокий, другой приземистый, толстый, тюркского типа с залысынами в черных волосах. На обочине припаркован автомобиль цвета металлик.

Я отпрянула, сердце заколотилось быстро-быстро. У дальней стены сарая громоздился всякий хлам, разбитая бочка для солений, какие то лопаты. Я поползла туда и прикрывшись мешком, скорчилась у стены за бочкой.

Мужчины уже ходили во дворе. Подергали дверь дачи, заглянули в окна, в сарай. Встали и заговорили негромко:

— Надо вон те дома тоже проверить. Поехали, не будем время терять.

Забрякала цепь и все затихло, а я лежала не двигаясь, страх пронизывал все тело. Здесь, за этой бочкой было мое последнее спасение. Прошло наверное с полчаса, как вдруг я

услышала посторонний звук. Осторожной походкой кто то крался рядом с сараем. А потом раздался хриплый голос:

— Ее тут точно нет, пошли.

Удаляющийся звук мотора пронесся для меня, как шаги удаляющейся смерти. Я вдохнула пыльный воздух сарая полной грудью. Потом заплакала, стараясь унять дрожь. Весь следующий день шел дождь.

Я сидела в сарае завернувшись в дырявые мешки и смотрела на дачу. Меня притягивала чердачная дверь. Когда то в прошлой жизни, я помнила что в таких чердаках есть легкие крючки изнутри. Если просунуть чтонибудь в зазор, можно открыть крючок. А мне туда обязательно надо. Там в даче можно пересидеть, пока ушибы не пройдут и может дажег вернется память. А сейчас меня знобит и раны на теле покраснели и загноились.

Между тем, с дачного поселка сегодня тоже уезжали люди, нагрузившись последним урожаем. Я слушала их голоса и шорох шин автомобилей, все двигались практически в одном направлении вправо, от деревни. Незаметно для себя я заснула.

Проснулась вся в поту, но с ясным сознанием. Мне определенно стало немного лучше. На дворе уже вовсю стояла ночь и ярко светила луна.

Я вытащила из сарая найденные в хламе старую легкую лесенку и ржавую пилу ножовку без нескольких зубьев, на шею повесила разодранный вдоль мешок. Приставив к веранде дачного домика лестницу, влезла на шиферную крышу веранды. Там, рискуя свалиться вниз, стала пропихивать полотно ножовки в зазор между чердачной дверью и рамой.

Мне крупно повезло. После нескольких резких движений вверх, внутренний крючок открылся, дверь распахнулась и я смогла залезть внутрь чердака.

Я вернулась за лестницей, обернула первую перекладину мешком, подтянула ее за ткань и затащила ее сначала на крышу веранды, а оттуда на чердак. Закрыла чердачную дверь на крючок изнутри и стала искать люк. Удача сегодня мне улыбалась. Хозяин дачи видимо был разгильдяй, к моему счастью он даже не удосужился закрыть на замок люк со стороны помещения. Я осторожно спустила лестницу внутрь дачи, прислушалась, там в темноте царили спокойствие и тишина. Это придало мне сил и впервые после обрушившихся на меня волнений и лишений, я почувствовала уверенность в том, что выживу.

Медленно двигаясь по темной даче, я вела рукой по стене. Наткнулась на подвешенную аптечку, сгребла найденные медикаменты и в лунном свете у окна, смогла прочитать наименования. Йод, марганцовка, и перекись водорода, а также пачка бактерицидных пластырей и бинт. Как раз все то, что мне нужно, спасибо тебе незнакомый хозяин. Из мебели на даче присутствовали деревянный стол с дверками, и продавленный диван явно привезенный из квартиры.

Я легла на диван, подивившись его комфортной мягкости и провалилась в глубокий сон.

Утром я чувствовала себя значительно лучше и решила осмотреть свой новый дом. На деревянных стенках дачи хозяйка везде наклеила журнальные фото дорогих интерьеров и тропических морей. Наверное, в душе у нее жила мечта о прекрасном.

В недрах кухонного стола, пахнущего старым деревом и лежалым хлебом, нашлись несколько литровых стеклянных банок заполненных наполовину с самодельными лейблами "Соль", "Мука", "Сахар", "Квас".

Ура, хозяева не посчитали нужным взять их.

А я делала все новые открытия. Я наткнулась на отличное, хоть и засиженное мухами зеркало, установленное рядом с умывальником. В отражении я наконец увидела себя:

хмурую девушку с серыми окруженными синяками глазами, курносый нос и свалывшимися темными волосами. Это я? Привет я. Не помню, но рада познакомиться.

У дивана кучкой лежали выцветшее ситцевое платье с дырой на спине, а также зеленая трикотажная кофта с продранными локтями. В голове мелькнуло воспоминание о каких то джинсах и кроссовках Найк.

Усевшись на диван, я сбросила дерюгу и стала обрабатывать свои болячки йодом и перекисью, а потом, торжественно одела то линялое платье, которым побрезговала хозяйка. Может я и выглядела как бомжиха в отрепьях, но после ношения картофельного мешка, чувствовала себя Золушкой на балу.

Так я и прожила на даче несколько дней. Ночью я выползала, спускала лестницу набирала воды, питалась растворенной в воде мучной болтушкой с сахаром, а в качестве туалета днем использовала опустевшую банку.

Мои раны подсохли, ушибы пожелтели и стали бледнеть. И однажды, я себе сказала:

— Пора.

Мой путь лежал туда, куда уезжали автомобили. Там должен быть город и там я узнаю, кто я и где мой дом. Мне очень кажется, что он там.

Ранним утром, я выбралась из своего укрытия, отнесла лестницу обратно в сарай и пролезла прежним путем мимо выгребной ямы сквозь дыру в заборе. Я была одета в хозяйкино платье с кофтой нараспашку, на ногах обнаруженные в дачном мусоре, пластмассовые мужские шлепанцы на несколько размеров больше моего.

Я пересекла дорогу, спряталась в кустах и стала высматривать попутный транспорт. Я точно знала, что не сяду в легковушку. Те, кто меня до сих пор ищут, приезжали на легковой. Мне нужно доехать в город на грузовике.

Впереди запыхав голубой Камаз. Я вышла на дорогу, махнула рукой, улыбаясь со всей приятностью, которую могла изобразить. Камаз остановился и я залезла внутрь.

Молодой парень за рулем рассматривал меня с некоторой брезгливостью и сожалением, что вообще притормозил.

— Привет— широко улыбнулась я. Отвыкший говорить рот выговаривал звуки странно и хрипло.

— Привет, — вяло отозвался парень, — Картошку копала?

— Ага, мешков не хватило, родители послали.

— Где тебя в городе посадить?

Я не знала что ответить.

— На Лужках или в Ленинском?

— В Ленинском, — согласилась я. Надо же было как то реагировать.

Город показался через час. Промелькнула водонапорная башня, промышленная зона, складские здания, заводы с трубами, потом пошли однотипные пятиэтажки среди начавших желтеть крон тополей. Я смотрела во все глаза, стараясь найти ориентир, чтобы хоть как то зацепиться памятью, но не узнавала ничего.

— А вот и Ленинский, — произнес шофер, — я тебя тут высажу у Пролетарского парка. Лады?

Хлопнула дверь Камаза и я осталась стоять в незнакомом городе.

Мимо шли красивые нарядные люди, смеялись, ели мороженое, некоторые скользили по мне равнодушным или пренебрежительным взглядом.

Ну вот я в городе. Что дальше? Я не помню ничего, у меня нет денег и еды.

Поплелась в парк, смешавшись с толпой горожан. Около урны подобрала смятую газету и уселась читать на деревянной скамейке.

Читая местные новости, я параллельно думала, где мне раздобыть еды. Решение пришло, когда обострившееся обоняние уловило жарившееся с приправами мясо.

Я как зверь двинулась на запах и быстро обнаружила в парке ресторан с открытой террасой.

На террасе звучала музыка, сидели посетители, изящно лавируя между столиками, двигались гибкие официанты с подносами. Я обошла ресторан вокруг. На заднем дворе стояли два мусорных бака подписанные “для непищевых” и “для кухонных” отходов.

Без колебаний я залезла в бак для кухонных отходов, шуганув пару жирных котов.

Моя добыча превзошла все ожидания, я достала две черствых булки и горсть позеленевших обрезков сыра. Котам достались сырные обрезки, а булки я унесла на свою скамейку, там их съела, запив водой из фонтанчика и решила устроиться на ночь в этом же парке.

Мой план был прост: обследовать весь город, пока что то не пробудится в памяти.

Я не знаю, кто эти люди, которые скинули меня в овраг, поэтому мне необходимо быть осторожной вдвойне.

Я бродила по парку, слушала, как пожилой аккордеонист в светлой шляпе играл песни советских лет и осматривалась, стараясь найти место для ночевки.

Все возможные убежища в небольшом парке просматривались, как на ладони. Но, единственное место которое я заметила, это разрисованный цветами домик, на детской площадке, где сейчас весело играли малыши.

Домик вполне подходил для ночлега, если там не вытягиваться во весь рост.

Блуждая по парку, взяла бесплатную карту города и обнаружила, что город делится на четыре района: Лужки, Ленинский, Коммунарский и Центральный.

Чтобы пробудить память, я решила пользуясь картой, методично обследовать каждый район, в надежде найти дом где я живу и свою семью. Ведь кто то меня обязательно ждет.

День клонился к вечеру, зажглись фонари, гуляющие постепенно покидали парк. Ушел аккордеонист, неся тяжелый футляр с инструментом, разбрелись молодые семьи с сонными малышами.

Я скользнула к детскому домику, забралась внутрь, свернулась клубочком, сказав себе тихо:

— Завтра ты найдешь свою семью.

И тут же уснула.

Мне снилось синее море, я сидела на берегу в белом бикини на загорелых бедрах и смеялась. Чайки кричали, летая вокруг. Крик становился все громче и нахальней.

Я проснулась и услышала, как кричат рядом со мной.

Выглянув из детского домика, я увидела несколько парней, которые с гортанными криками нападали на одного щуплого.

Щуплый упал, его били ногами, потом вытащили кошелек, телефон и пнув напоследок под ребра, исчезли. Мужчина лежал не шевелясь. Я выбралась из домика и подбежала к нему. Он был неподвижен, светлые волосы и молодое лицо испачканы грязью и кровью.

— Ой Господи! Эй парень, ты как?

Он не отвечал.

— Скорую надо, а мне позвонить неоткуда— с отчаянием проговорила я самой себе.

— Не надо скорую — неожиданно прохрипел парень — Я в порядке, ты только доведи меня домой, я сам врач.

— Куда тебя довести?

Парень слабо махнул рукой, показывая направление:

— Туда. Улица Северцева, дом пять квартира восемнадцать.

Я подхватила его под мышки и помогла подняться. Перекинув его руку на свое плечо,

медленно повела к выходу из парка. Парень оказался выносливый, спотыкался, стонал, однако упрямо шел, опустив голову. Улица Северцева пролегла рядом с парком, а дом пять оказался один из четырех девятиэтажных зданий расположенных по прихоти архитекторов квадратом и образующих колодец, куда редко заглядывает солнце.

Парень назвал код и совсем повис на мне.

Квартира восемнадцать находилась на третьем этаже. Я вызвала лифт и кое как затащив парня в лифт и вытащив на третьем этаже, доставила его до дверей. Привалив к стене, залезла ему в карманы в поисках ключа. Плоский ключ с черной головкой нашелся в брючном кармане. Квартира у бедолаги врача оказалась однокомнатная. Я втащила его в микроскопическую прихожую и отправилась искать ванную. Вернувшись с охапкой мокрых полотенец, обтерла кровь с бледного лица.

Парень открыл глаза:

— Я дома?

— Да.

— А ты кто такая? — удивленно спросил меня, глядя щелочками опухших глаз.

— Я тебя из парка привела.

— Да? Вспомнил, спасибо. Не уходи пожалуйста, помоги мне встать.

Парень шатаясь, приподнялся, зашел в комнату и стал раздеваться догола.

Оказавшись голым, внимательно осмотрел свое тело,

— Девушка, посмотри, что у меня на затылке?

— Шишка большая и кожа рассечена, — ответила я, смущенно отводя глаза от обнаженной мужской спины.

— Вот сволочи. Зарплату получил первую, прикинь, решил путь домой сократить.

Он достал чемоданчик с медицинскими принадлежностями, выпил две таблетки, и стал шипя сквозь зубы, смазывать свои раны. Отвлекся, посмотрел в мою сторону

— Меня Рома зовут, а тебя?

— Не знаю. — честно ответила я.

Рома уставился на меня заплывшими в синяках глазами.

— Как это не знаешь?

Пришлось рассказать свою историю с момента, как очнулась в овраге.

— Амнезия, — констатировал Рома — Тебе в больницу надо.

— Не надо— ответила я — Я пока не знаю, кто и почему меня ищет.

— Ладно— сказал Рома, — А чего ты в парке делала?

— Спала в детском домике— призналась я— и в помойке копалась, еду искала.

Наступила пауза.

— Ты поживи у меня, ладно? — почему то просительно сказал Рома — От меня девушка ушла, мне нужно очень, чтобы кто то со мной находился. Я так отвлекаюсь от грустных мыслей.

В тот вечер, я впервые за долгое время приняла душ. Я мыла голову шампунем, а тело гелем для душа, вытиралась толстым махровым полотенцем и наслаждалась такими простыми человеческими радостями. Рома выделил мне диван, а сам благородно улегся на старом матрасе на полу. Утром меня разбудили вкусные запахи. Спасенный парень поджарил гренки, налил мне стакан молока и сидел, глядя как я ем.

Голова его была забинтована, синяки увеличилось.

— Я на работу уже съездил, — сказал Рома. — Больничный у меня, так что пока я дома,

помогу тебе.

Он мне вручил свои спортивные шорты, камуфляжную футболку и полувоенную кепку хаки. Я, одев все это стала напоминать солдата Джейн только с волосами.

Рома дал мне тысячу рублей произнеся при этом:

— Тебе на проезд, безымянная красавица, покатайся по городу, в разговоры не вступай, ищи знакомые места. А я буду весь день отлеживаться. Пинали сволочи в ребра.

Он сделал неловкое движение обнять, но так его и не закончил, повернулся и ушел на кухню. Я завязала хвост, надвинула кепку на глаза, и поехала кататься по городу.

Все было безрезультатно, я заново знакомилась с городом, рассматривала памятники, магазины и спешащих по своим делам людей, но ничего так и не шлохнулось в душе.

И только ближе к вечеру, сидя в очередном автобусе, я вдруг почувствовала, что уже раньше видела этот гастроном в Центральном районе, проплывающий в этот момент мимо окна.

Я выскочила на первой же остановке и поспешила к наконец найденному знакомому объекту. Странное дело, чем ближе я подходила к гастроному, тем сильнее давило мне на виски ощущение дежавю.

Но меня влекло дальше. Повинуясь своему телу, я не стала заходить в гастроном, а прошла прямо между ним и желтым обшарпанным зданием вглубь. Там, за березовой аллеей на отшибе примостился пятиэтажный панельный дом, а перед ним парковка с разнокалиберными автомобилями эконом-класса.

Последней на парковке в ряду приткнулась допотопная серая Волга.

Я подошла к Волге, присела и сунула руку под днище справа. В висках стучало.

Выпрямилась, в моей руке лежал металлический пенал на магнитах.

В нем находились два ключа. Один явно от Волги, другой старый, медный, от некой квартиры. Вспыхнул в голове и завертелся калейдоскоп из лиц и событий. Покачнувшись, я облокотилась об этот автомобиль, чтобы не упасть.

Я дрожала, но постаралась отключиться от мыслей, просто постояла, прислушиваясь к себе и двинулась, куда ноги понесли. Они меня уверенно понесли в первый подъезд окрашенный в унылый болотный цвет и расписанный всякими словами.

Серая бетонная лестница привела меня на пятый этаж. Я подошла к двери обитой черным дермантином, вставила ключ и повернула вправо. После легкого щелчка, дверь открылась. Обычная двухкомнатная хрущевка, обставленная старомодной темной мебелью. Круглый стол и кофейные резные столики, гнутые венские стулья, комод.

На пыльном комодe в деревянных рамках черно белые фотографии разных людей и среди них мой цветной портрет. Но обороте портрета красовалась надпись: “Дорогому дедушке от Алены Кушкиной.”

Алена Кушкина это выходит я?

Квартира принадлежала пожилому человеку и это был мой дед Анисим Кушкин.

Я рассматривала фотографии и вспоминала.

Мы жили с отцом, я где то училась. Где?

Дед тяжело болел, я переехала к нему и ухаживала за ним до последнего дня.

Однажды я пришла в нашу с отцом квартиру, а замки заменены.

По квартире разгуливают какие то люди, новые хозяева. Купили, говорят, все документы в порядке. Бывший владелец получил деньги и уехал на Майорку. А вы кто будете? Ах дочка! Я не помню, что дальше произошло.

На комодке находилось и фото отца в белой рубашке, худого с широкой улыбкой. Фото размашисто подписано “от Николая Кушкина на долгую память”

Раньше у нас с папой была большая светлая квартира. Я вспоминала отдельные фрагменты: панорамные окна с видом на реку, черные кожаные диваны. Где же эта квартира? Не поэтому ли пропал отец, а я оказалась в лесном овраге?

Задумчиво открыла дубовый шифоньер. Там, на вешалках висели дедовы рубашки, брюки и обернутый полиэтиленом китель с орденами, а в стороне сгрудились женские джемпера, пара платьев, джинсы.

"Это наверное мои" подумала я.

Я померила джинсы, они болтались на мне и норовили свалиться, но я затянула их найденным узким ремнем и продолжала исследование квартиры.

В холодильнике лежала пачка творога, кусок мягкого сыра и полбулки окаменевшего белого хлеба, все продукты судя по датам, куплены десять дней назад.

Значит меня не было в дедушкиной квартире приблизительно десять дней, прикидывала я.

Сев на венский стул, я задумалась. Для начала надо узнать адрес моей бывшей квартиры, почему отец так неожиданно продал, куда он пропал и кто теперь хозяин квартиры.

А сейчас надо вернуться к Роме, потому что он волнуется и у меня есть отличная новость для него. Меня зовут Алена.

Глава 3

Я просто изнывала от нетерпения, так хотелось немедленно рассказать своему новому и пока единственному другу Роме, все что я узнала про себя и свою семью.

С огромным удовольствием одела на себя найденные в шифоньере тонкий джемпер в дымчатую полоску, скинни джинсы, обулась в серые кроссовки Найк, подхватила пакет с одеждой Ромы и воодушевленная отправилась к нему, заранее представляя его радость и восторг.

На протяжении всего потрясающего сегодняшнего дня, мысли о спасенном парне постоянно маячили в моей голове на заднем плане, а последние метры к его дому номер пять я просто бежала.

Запыхавшись, позвонила в дверь квартиры восемнадцать. Рома тут же открыл, как то криво улыбнулся и отвел глаза.

— Проходи— произнес он со странной интонацией.

Холодок нехорошего предчувствия коснулся сердца. В квартире Рома был не один.

— А-а-а, это та самая девушка, которая тебя спасла? — протянул высокий красивый парень развалившийся на диване — И ты, девушка, не помнишь, как тебя зовут? -

Парень произносил слова с легкой издевкой.

— Я вспомнила— сказала я радостно — Рома, представляешь, меня зовут Алена.

Рома отозвался без всякого энтузиазма:

— Красивое имя, Алена. Я принесу чай.

Я положила пакет с его вещами на пол и села на табурет, а Рома вручил мне чашку чая на блюдце. Я с удовольствием отхлебнула большой глоток.

— Это Игорь — сказал Рома, представляя друга— Мы вместе медицинститут закончили, только он офтальмолог, а я терапевт.

— Привет Игорь— откликнулась я.

Игорь кивнул мне и оживленно заговорил с Ромой про каких то общих знакомых.

Я все сильнее чувствовала неуместность и ненужность своего присутствия. Рома совершенно не интересовался моими открытиями и событиями дня. Чай был выпит, хозяин унес чашки на кухню, за ним последовал Игорь с продолжением разговоров. До меня донеслось "аферистка".

— О ком это он? — удивилась я.

Вернулись оба парня, а Рома по прежнему отводил глаза от меня. Раздался звонок, Рома взял телефон и вышел на кухню. И в это время Игорь лениво спросил:

— Алена, я забыл, ты из какого поселка приехала?

Я молча встала и вышла из квартиры. С чего это я решила, что Роме так важно знать мое имя и терпеть мое присутствие? Пока ждала лифт, надеялась до последнего, что Рома выйдет, или даже выбежит за мной, но он так и не вышел.

В дедову квартиру вернулась поздно и первым делом плотно завесила окна. Укрывшись стареньким пледом в коричневую клетку, при свете настольной лампы я рассматривала семейные фотографии. У меня ведь была семья, все этом люди имели ко мне отношение. И даже если они все умерли, я живу за них, размышляла я.

Нашлось фото симпатичной брюнетки вместе с папой и младенцем на руках, наверное это моя мама со мной маленькой.

От дедова пледа шло ласковое тепло, словно он сидел рядом и утешал свою не очень то удачливую внучку. Утром, почувствовав сильный голод, я решила поискать деньги, так как продукты были безнадежно испорчены, а дед и я судя по кухонным шкафам, жили как птички небесные и запасов не делали.

Я вывернула все карманы на моей и дедовой одежде. Деньги к счастью нашлись, правда не в карманах, а в нижнем ящике стола, в коробке из под желейного мармелада. Там лежало пятьдесят тысяч рублей, перехваченные зеленой резинкой, наверное это и были все дедовы накопления.

На радостях накупила еды, приобрела подержанный лаптоп и каштановый кудрявый парик для прогулок по людным местам. В парике было жарко, но в нем я стала выглядеть совершенно другой, нагловатой и слегка вульгарной девицей.

Первое, что сделала, когда дорвалась до интернета, забила в Яндекс имя и фамилию отца Кушкин Николай. Мне тут же выпала страница папиной строительной компании "Суперкондо". Вебсайт обновлялся в прошлом году.

Вместе с фотографией отца висели краткие сведения о его деятельности: по образованию архитектор, проектировал дома и позже стал заниматься собственным бизнесом.

Я погуглила Суперкондо. Компания процветала и активно предлагала услуги, но я обнаружила интересный факт, полгода назад владельцем компании стал некий Жакаев А. И.

Примерно в это же время, отец продал квартиру и уехал на Майорку. А скорей всего туда, откуда нет пути назад. Эх, папа, папа.

Ну что ж, теперь поищем про меня.

Я забила в поиск Кушкина Алена, ох, ничего себе, в первой же ссылке была моя дипломная картина маслом "Рыжик", где на фоне куста цветущей черемухи рыжий мальчик гладит рыжего кота.

Я оказывается закончила художественное графическое училище в этом году!

На вебсайте училища города Нижнеярска красовалась наша выпускная фотография и я на групповом снимке гораздо более округлая чем сейчас, стояла на переднем плане в голубом легком платье.

Я разволновалась и стала ходить туда сюда по комнате. Итак, мой папа был владельцем бизнеса, а я свежееиспеченная художница.

Кто же такой Жакаев?

Про Жакаева вывалился целый ворох ссылок с фотографиями. Бывший депутат горсовета, ныне хозяин строительных компаний, совладелец сети городских ресторанов и автосервиса.

Не много ли ты кушаешь в одно рыло, господин Жакаев?

На фотографиях с различными людьми в галстуках и дорогих костюмах это был лысый, со сросшимися на переносице бровями и крупным носом мужчина лет пятидесяти с твердым взглядом.

Я стала копать адреса и телефоны в городском онлайн справочнике и нашла, что Кушкин Николай проживал по улице Краснофлотская дом 48 квартира 65.

На карте города Нижнеярска, улица Краснофлотская проходила по берегу реки Яровка.

Я закрыла лаптоп и выскочила на улицу. Увидев такси с зеленым огоньком, подняла руку.

— Мне на Краснофлотскую сорок восемь, пожалуйста.

Сидя в такси, смотрела в окно, а навстречу мне двигались все более знакомые декорации прошлой счастливой жизни. Вон двухэтажная кирпичная школа, куда я ходила, а вон и старый тополь на углу, с которого я однажды упала и больно разбила коленку.

— Вам какой подъезд? нарушил молчание таксист.

Конечно третий, угловой, подумала я.

— Третий.

Я рассчиталась и вылезла. Смутно припомнилось, что я жила в одном из двух девятиэтажных домов "свечка" в три подъезда, и кажется их проектировал отец. Что потом случилось я не знаю, но судя по всему, работу он потерял и стал заниматься мелкими подрядами на строительство, пока его бизнес не купил Жакаев.

Размышляя, поднялась на восьмой этаж, а вот на девятый мне хода не было, там стоял, расставив ноги мордovorот охранник.

— Тебе чего надо? — хмуро спросил он.

— Ничего, извините, ошиблась — я мирно улыбнулась и пошла пешком вниз.

Что же находится на нашем этаже? думала я, спускаясь по знакомым ступенькам. Оказавшись на земле, я отправилась к реке Яровка. Все было как всегда: ватага мальчишек плескались на мелководе, дальше виднелись порт, краны и буксиры толкали баржи с углем и лесом.

Я сидела и глубоко вдыхала свежий, родной с детства воздух.

Мой взгляд упал на соседний дом напротив, почти идентичную девятиэтажку. А если спрятаться на том чердаке и высмотреть, кто такой важный и секретный живет на нашем этаже? Я чувствовала прямую связь между последними событиями и этим инкогнито.

Через день вернулась, прихватив из дедовых инструментов небольшой ломик, бутылку воды, пару яблок и две газеты в качестве подстилки. Если чердак, такой же как и был у нас, то ломиком можно попробовать вывернуть засов.

На мое счастье, засов уже вывернули до меня, и я спокойно залезла на пустой чердак. Стропила, были загажены голубиным пометом, валялись старые пустые банки из под джин тоника и пива, покрытые слоем пыли, видимо подростки когда то устраивали тайную от предков вечерю.

Я устроилась у чердачного окна, там где хороший обзор окон и лоджии моей бывшей квартиры, и слезы непроизвольно навернулись не глаза.

В квартире было тихо, я оглядывала двор, соседние окна, но все было спокойно и скучно.

Я съела оба яблока, выбросила огрызки и продолжала наблюдать, хотя не увидела ничего интересного, во мне крепла решимость возвращаться вновь и вновь, чтобы докопаться до истины.

Вернувшись домой, я остаток дня убирала, мыла и чистила. Верхний свет я по прежнему остерегалась включать, пользовалась настольной лампой или ночником.

Через три дня планомерной уборки, я обнаружила у деда трофейный бинокль и очень

воодушевилась такой находкой.

Облачившись в спортивный костюм, прихватив бинокль, яблоки, бутылку воды я отправилась на свой наблюдательный пункт.

Удобно устроилась у чердачного окна и вытащила бинокль. Окна моей квартиры придвинулись так близко, что казалось их можно открыть рукой. "Занавески сменили" грустно подумала я, в это время сильный удар в ухо свалил меня наземь. Искры больно посыпались из глаз, я упала, а руки мне быстро обмотали широким скотчем, после чего меня грубо встряхнули и посадили.

— Кто тебя послал, падла? — Раздался жесткий голос.

Я подняла глаза.

Коренастый парень с короткой стрижкой серых волос смотрел на меня с ненавистью.

— Я тебя здесь и закопаю, донести не успеешь, — процедил он.

Терять мне уже было нечего.

— Копай, — огрызнулась я, — Ты только и можешь девушек бить.

— Ну и чего тут девушки с биноклем делают? — недобро усмехаясь спросил парень.

— Смотрю на свою квартиру.

— Где это твоя квартира?.

— Вон окна видишь, Там я жила с папой.

— А где теперь папа твой?

— Я не знаю, — тихо ответила я. — Квартира продана, а папа исчез. А а прописана у деда своего. Ты случайно не в курсе, кто там живет?

— Случайно в курсе, там на девятом этаже, Жакаев со своими всю площадку в третьем подъезде занимает.

Он произнес Жакаев, как выплюнул.

— Ты его знаешь? — спросила я.

— Знаю, — угрюмо отозвался парень и достал нож. Я вскрикнула от страха и зажмурила глаза. Лезвие ножа разрезало скотч между рук и парень отодрал с каждого запястья липкие кольца, запоздало буркнув:

— Не бойся. Тебя как зовут то?

— Алена, — отозвалась я

— А меня Саня. А теперь расскажи мне зачем ты сюда залезла, Алена.

Я помолчала и решила на исповедь:

— Я очнулась в овраге..

Саня внимательно слушал меня. Когда я закончила, парень дружески похлопал меня по плечу, а потом бесцеремонно взял мою бутылку, осушил половину, вытер губы рукавом и заговорил:

— У бати моего был гараж, где он ремонтировал машины. Батя механик был от бога, и шкуру с людей не драл, к нему народ так и пер, Василич подшамань.

Жакаевские псы не него наехали сначала плати за крышу, потом отдай гараж если жить хочешь, а если не отдашь, сами возьмем. Это мне как было дело, шепнул батин верный кореш, он все равно помирал от рака, бояться уже нечего было.

Короче, когда я в армии был, батю нашли в гараже избитым и мертвым. Пьяный, написано было в заключении. Только батя всю жизнь в рот ни капли не брал.

Батю еще не схоронили, а гараж тут же купили, ну как купили, забрали внагляк, и матери ни копейки не перепало.

Там сейчас Автосервис и Дилер центр а хозяином там Жакаевский племянничек. Вот такие дела, девушка.

Парень потянулся к бутылке, выдул оставшуюся воду и продолжил:

— Ты извини, что я тебя в ухо двинул. Хошь, меня двинь тоже. У меня кровь кипит, как подумаю про эту суку Жакаева. Я в том батином гараже почитай вырос. — докончил Саня сжимая пустую пластиковую бутылку и мрачно добавил, глядя наружу:

— Помяни черта и он на пороге.

Я приникла в чердачному окну, внизу парковались три черных автомобиля, из них вылезли люди, зашли в третий подъезд. Парень взял мой бинокль, чиркнул спичкой и подкоптил линзы.

— Чтоб не бликовало. — пояснил он.

В скором времени в моей бывшей квартире началось движение, раздернулись шторы, зажегся свет. Какие то мужчины выходили курить на лоджию с бокалами, заходили обратно.

— Жакаев, — шепнул парень.

Я приникла к биноклю. В реале Жакаев выглядел гораздо более неприятным чем на фото, рыхлым с нависшими бровями и щелью плотно сжатых губ.

"Ты убил моего папу" думала я. "Ты хотел убить меня, но я выжила, и сама тебя убью"

Я испугалась темной клубящейся злобы, которая поднималась во мне и попыталась подавить ее.

Но тут Саня озвучил мои тайные мысли:

— Я его убить хочу, за батю.

— И я за батю, — отозвалась я эхом. Подумала секунду. — И за себя тоже.

Наступило молчание, Саня пронзительно рассматривал меня, как бы оценивая.

— Стрелять умеешь? — понизив голос, спросил Саня.

— Нет. — помотала головой.

— Как ты его убивать будешь?

— Я научусь.

Саня задумался, потом придвинулся и зашептал прямо в ушибленное ухо:

— Ладно, Алена, завтра встречаемся в 6 утра на остановке Лесного института, я тебя поучу чего сам умею. Знаешь почему?

— Почему? — спросила я не слишком доверяя новоявленным друзьям, был уже один такой друг Рома.

— Потому что, если меня жакаевские псы пристукнут раньше, чем я до него доберусь, это сделаешь ты вместо меня. Я пошел, выйдешь с чердака через пятнадцать минут после меня.-

Саня повернулся и исчез.

В шесть тридцать утра, я стояла в росистой траве на поляне в лесу и целилась из пневматического пистолета в круг мишени на вкопанном столбе, уже сильно побитым многочисленными выстрелами. Саня носился вокруг меня как квочка, поправляя мою позицию и бурча:

— Пистолет должен быть продолжением руки, помни, ты стреляешь на поражение.

К концу первого часа я научилась не сильно мазать, а даже иногда попадать во внешний круг мишени.

Наконец Саня объявил долгожданный перерыв.

В перерыве, разламывая пополам здоровенный бутерброд из двух кусков серого хлеба с дешевой вареной колбасой внутри, Саня поучал:

— Ты не должна бояться стрелять. Знаешь сколько народу погибло, имея оружие на руках. Они боялись выстрелить, а эти волки не боялись. Твой отец был добрым?

Да. — ответила я, — добрее человека не было чем мой папа.

— Во, и мой батя тоже добрый был. Они добрых то и ищут, которые им отпора не дают. Воды хочешь? Да ладно, Алэн, не стесняйся, я помню, твою выпил всю.

В конце тренировки Саня мне сказал:

— Мне не надо знать, где ты живешь и ты не интересуйся. Запомни, встречаться будем на этой поляне два раза в неделю, понедельник и пятницу. Купи себе дротики, тренируй меткость. Если дротики не по деньгам, шарики из пластилина накатай, или камешки, метай, но тренируйся постоянно. Ладно Алэна, на сегодня все, для первого раза ты молоток, выходи к остановке и уезжай, а у меня тут еще дела есть.

Я вышла из леса к остановке, стрелять мне неожиданно понравилось. В тот же день мной был приобретен дартс и я вечерами частенько швыряла дротики, воображая, что центр мишени это рожа поганого Жакаева.

Наши с Саней тренировки стали регулярными, а у меня таяли деньги и я решила продать дедушкин круглый резной столик. Я показала фотографию стола антиквару, тот заинтересовался, попросил обязательно привезти, и я занялась чисткой стола для придания ему лучшего товарного вида.

Когда я перевернула столик, то вдруг увидела на дне замочную скважину, там где ее не должно быть. На связке многочисленных ключей подобрала тонкий ключ похожий на почтовый, он и открыл малозаметную дверцу. В тайнике покоилась тяжелая коробка а в ней в промасленной бумаге лежали пистолет вальтер и две обоймы к нему.

Эх, деда мой дорогой, как вовремя ты вручил мне свой последний подарок. Я держала в руке пистолет, представляла, как пуля летит прямо в щелеобразный злобный рот и непроизвольно усмехалась.

Все же, когда я отправилась на тренировку, ничего не сказала Сане про вальтер. Я уже знала, что Саня подрабатывает в гаражах то тут то там, помогает механикам, живет один, мать умерла. А больше он в свож жизнь меня не пускал, мы и смотрели друг на друга как на потенциальных смертников. Видано ли дело попереть против самого Жакаева.

Стол продала антиквару, оплатила свет, газ и проедала полученные деньги.

Дедова Волга так и стояла, у меня не было денег на бензин, а продавать было жалко, дед ее очень любил.

Кроме пистолетов, Саня учил меня метать ножи, он брал нож за лезвие и изящным движением посылал нож прямо в цель. Мои ножи падали плашмя, но Саня был настроен благодушно и хвалил мои скромные успехи.

Итак, Саня сегодня закончил тренировку пораньше и сказал:

— Алена, пойдем покажу тебе кое что.

Я долго шла за ним по бурелому.

— Запоминай дорогу— велел Саня. Я шла и старалась запомнить: корявый дуб, просека, кучка сосен, ручей, наконец Саня остановился в совсем уже мрачном ельнике около кучи хвороста, слегка разгреб его и мне открылась дверь в землянку.

— Ух ты! — с восхищением произнесла я.

— Заходи чтоль, — довольный эффектом пригласил Саня. Я зашла, нельзя сказать, что я доверяла партнеру по оружию безоговорочно, в кармане у меня теперь всегда лежал нож, про который Саня не знал. Однако, Саня был гостеприимен. Внутри землянки стояла сколоченная лежанка, стол, и самодельная печурка, с железным чайником на ней.

— Алена— торжественно проговорил Саня — если чего то случится, сама понимаешь, тут тебя хрен кто найдет. У меня тут чай, сахар есть, можно прожить. Дров наготовлю скоро. Спасибо Санечка, за доверие. — серьезно сказала я.

Мы с пониманием посмотрели друг на друга. Действительно, это был серьезный и неоценимый подарок, отдать информацию про собственное потайное укрытие.

Однажды наступил момент, когда я отстрелялась не хуже Сани. Все выстрелы кучно легли в цель. а ножи воткнулись близко к центру мишени.

Молодец Алена. — похвалил меня Саня — делаешь успехи, пора переходить на боевое оружие.

— Саня— спросила я его — У тебя есть план?

Я сильно подозревала, что плана у него не было и прогуливайся сейчас Жакаев со своей свитой, Саня безоглядно кинется на него, чтобы тут же погибнуть под пулями.

— Есть. — отозвался Саня. — Для начала, его парочку самых злобных псов завалить, чтобы мочиться стал от страха. Того Широколицего и Турка, которые тебя искали по дачам. Что ты думаешь произошло? Тебя кто то из шестерок долбанул и решили, что убили. Сняли одежду, опознать нельзя, нет примет, нет документов, звери быстро растащат кости. Но видать, хозяин послал холуев проверить работу да перепрятать труп надежней. В рубашке ты, Алена, родилась или кто то наверху за тебя просит. — неожиданно закончил Саня.

— Ага, хороша рубашка— буркнула я в ответ, но призадумалась.

Мы перешли на пистолет Макарова, стреляли холостыми, я привыкла к оружию, и ловила себя на том, что мне нравилось держать плоский пистолет в руках и всаживать пули в перекрестие на круге мишени. Однажды Саня приволок мишень в виде человеческой фигуры, и я просто с упоением расстреливала голову и сердце врага.

Как то, когда уже наступила зима, Саня сказал:

— Ну Ален, ученого учить только портить, начнем с Широколицего. Он по четвергам жрет в грузинском ресторане Татико. Сходи вечером, погуляй вокруг, может что интересное увидишь.

План такой, в четверг наблюдай за ним, когда он подойдет к машине, мигни фонариком, сама без дела не рискуй, под видеокамеры не лезь, отход продумай самостоятельно.-

Вечером, в потертой дедовой ушанке и его же длинном черном пальто с цигейковым

воротником я медленно прохаживалась около ресторана, откуда доносилась грузинская музыка.

Ресторан находился в старой части Нижнеярска. Сразу же за "Татико", я обнаружила узкий проход между бурными кирпичными домами, построенными наверное до революции. Я двинулась по проходу и нашла пару интересных ответвлений. Одно выходило прямо к оживленному проспекту Мира, а другое извивалось между домами, помойками и наконец выводило к тихой и малоинтересной улице Ломоносова.

Вечером следующего дня я собралась на нашу операцию, меня слегка подтряхивало.

Перед уходом, я погладила фото родителей и прошептала "Я люблю вас"

Широколицый сидел в ресторане второй час, а я гуляла вокруг, стараясь не светиться под камерами обзора территории. Наконец наш общий враг вышел, промокая масляные губы салфеткой, и вразвалку направился к Лендроверу, в котором скучал его водитель. Я опознала Широколицего моментально, та же самая гнусная рожа, которая в сентябре маячила у дачной калитки.

Мигнула два раза фонариком, это был сигнал Сане "он идет, все чисто".

Когда Широколицый подошел к пассажирской двери своего автомобиля, тут же раздались выстрелы. Широколицый обмяк и рухнул, раскинув руки в мгновенно окрасившимся кровью снегу. Его водитель выпал из машины, залег за колесо и открыл огонь в сторону Сани.

Я выстрелила в темную фигуру водителя дважды и помчалась по узкому закоулку, не оглядываясь. На мое счастье началась метель, засыпая следы моего преступления и бегства. За мной не гнались, и попетляв по переулкам, я уже спокойным шагом подошла к дедовской Волге, припаркованной на улице Ломоносова, содрала пыжиковую ушанку и уехала в Ленинский район города.

Почему то понесло меня во двор дома, где проживал Рома. Остановившись и заглушив мотор, я тупо глядела на несущийся белый снег в фиолетовом от фонарей вечернем воздухе, руки мои тряслись, и все тело пронизывала дрожь.

Когда я немного успокоилась, отправилась домой, объезжая место убийства по максимально широкому пути, а противный привкус одного из тяжких семи грехов стоял во рту

"Неужели я убила человека?"

Дома, я подходила к зеркалу и всматривалась в собственное лицо. Это я? Та самая нежная девочка, которая написала маслом рыжего мальчика с котенком?

Через три дня, я появилась на лесной поляне, замеченной снегом.

Сани не было и я переминаясь с ноги на ногу, нервно оглядывалась по сторонам.

— Ну долго ты будешь стоять?-

произнес Саня материализовавшийся рядом,

— Саня а я за тебя волновалась! обрадовалась я.

— Начало есть, довольно сказал Саня. — Обоих положили, в новостях видал. Ты как, жалеешь?

— Нет, — слегка покривив душой отозвалась я я — не очень.

— Не жалей, он душегуб еще то был, а шестерки его между прочим, все кровью невинных людей повязаны. Пошли в землянку.

В протопленной землянке, Саня накрыл стол по случаю первой победы. На расстеленных газетах красовались одноразовые белые тарелки с крупно нарезанной копченой колбасой, ломтями мягкого серого хлеба. Я заметила и коробку зефира ванильного явно предназначавшегося для меня. По центру стола лежала сложенная газета Нижнеярские вести, с отчеркнутой заметкой о двойном убийстве у ресторана. Журналист в заметке недоумевал, кому понадобилось убивать порядочных людей трудящихся на благо города и сетовал о разгуле бандитизма.

Успех окрылил нас и в скором времени мы уже обдумывали завалить Турка, правую руку Жакаева.

Верней настаивал не этом Саня.

Я категорически была против и считала, что убивать сейчас напарника Широколицего опасно.

— Саня, — говорила я, — нужен четкий план. Ты научил меня стрелять и метать ножи, но то что случилось с Широколицым дело случая. Ты сам говорил, что Турок без охраны не ходит, а сейчас он может ее удвоить. Для удачной операции, нам нужно использовать снайперскую винтовку или даже дистанционные мины, а для этого выходить на нужных людей.

Саня отмел все мои предложения.

— Алена, — снисходительно ответил он, — ты смотришь слишком много боевиков, не нужно усложнять ситуацию, если ты боишься, я сделаю все сам.

На этой почве мы немного поругались, у меня создалось впечатление, что Саня теряет тормоза.

Однажды Саня пришел на тренировку сильно задумчивый, мы выполнили обязательную программу: постреляли, покидали ножики, а потом он заторопился и уходя, неожиданно прижал меня к груди.

— У меня кроме тебя никого и не осталось, Аленушка, — грустно усмехнулся напарник и скрылся в лесу.

Для нападения на Турка были приготовлены две бутылки с коктейлем Молотова.

За неделю мы с Саней отследили основные маршруты Турка. В свои деловые поездки он всегда ездил с сопровождением двух охранников, предпочитал питаться дома в кругу семьи, но зато каждые три дня исправно посещал любовницу, крупную фигуристую брюнетку явно с восточными корнями.

Мы решили не изобретать велосипед и подстеречь нашего врага, когда он будет выходить от женщины, и кинуть коктейль Молотова ему в машину.

В тот роковой день, я как и в прошлый раз мигнула фонариком, когда жирный Турок направлялся к своему автомобилю. Саня швырнул один за другим коктейли Молотова, яркая вспышка озарила окрестности. Однако, Турок несмотря на свой вес, шустро отлетел от своего авто, внезапно появились какие то люди в черном, бегущие ко мне, я выстрелила в крайнего, но получила сильный удар по своей многострадальной голове и ткнулась носом в мокрый снег. Мне грубо заломили руки и рывком подняли, светя фонарем в лицо.

— Ты смотри, молодая сука. Куда ее?

— Везите в зиндан! — Приказал властный голос

Видимо после убийства Широколицего, Турок не поспешил на профессиональную охрану, устало подумала я. Услышала вскрик и увидела, как двое в черной униформе волоком тащат Саню.

С меня сорвали дедово пальто, обхлопали по бокам, заглянули под резинку шерстяных штанов, сказали "Пусто", сунули кулаком поддых, связали руки сзади, подтащили к фургону "Перевозка мебели" и кинули на обжигающе холодный пол

Я помню смутно, как тряслась и перекатывалась на ухабах. Рядом в фургоне, я ощущала присутствие другого бессознательного тела, мне не хотелось думать, что это Саня.

Зиндан оказался мрачным помещением, где не было ни окон, ни освещения. Просто забетонированный каменный мешок с массивной дверью и спертым воздухом.

Меня грубо затащили в зиндан и дверь захлопнулась, я лежала, стараясь отключиться от боли промерзшего тела, потом с усилием приподнялась, села привалившись к стене и вдруг услышала шорох в углу

— Ты кто? — прошептала в темноту, надеясь что это не крысы.

— А ты кто? — ответил насмешливо мужской голос.

— Я Алена.

— О, Алена, а я Андрей Иванов очень приятно, — отрекомендовался невидимый собеседник.

— И долго ты здесь сидишь, Иванов? — спросила я?

— Второй день— отозвался Андрей. — Пить дают раз в день, ведро пописать приносят, а еды никакой.

Я подтянула ноги к подбородку и опустила голову, если дышать в колени, воздух будет теплый.

Внезапно раздался дикий крик знакомого тембра, так что по телу прошла морозящая волна ужаса.

"Саня! Санечка!"

Я беззвучно плакала, чувствуя свое бессилие помочь и зная что я следующая.

— За что они тебя сюда кинули, Алена? — поинтересовался Андрей после тягостного молчания.

Я ответила безжизненным голосом:

— Убили отца, а меня не получилось с первого раза. А тебя?

— Хотят, чтобы я бизнес им подписал, у них фишка такая, угрожать убийством близких, да мои все за рубежом в надежном месте, им с этой стороны меня не взять.

— И что будет, если ты не подпишешь? — спросила я.

Тут раздался просто жуткий крик, такой, каким кричат в последний раз, и на высокой

ноте оборвался. Грудь сдавило невыносимой тяжестью.

"Прощай милый Саня! Я отомщу за тебя, если выживу."

Я глубоко вдохнула воздух и постаралась временно проглотить свое горе, мне предстоит битва, я поплачу потом.

Эти твари не знают, что у меня в рукавах спрятаны под резинками два метательных ножа, подарок Сани.

Глаза привыкли к темноте и я даже стала немного угадывать силуэт Андрея.

— Эй, Андрей! Ты связан?

— Да— тут же ответил пленник.

— Ты можешь зубами ослабить узлы на моей веревке?

— Ну давай, ползи сюда, попробую-,согласился Андрей

Я подползла к нему, он стал зубами растягивать узел, причиняя боль и без того затекшим рукам. Наконец, после значительных усилий, я смогла высвободить одну руку, вытащила из под рукава плоский нож и разрешила свои путы. "Держитесь теперь сволочи, я просто так не дамся, обязательно заберу на тот свет кого-то из вас" злобно думала я.

Вспомнила про Андрея:

— Лежи не двигайся, я тебя освобожу.

Я подползла к пленнику, достала нож и разрешила его веревки. Андрей застонал и выругался от появившейся боли в обретающих чувствительность руках.

— Они скоро придут сюда за кем то из нас. — проговорила я Андрею— Держи, если не хочешь умереть.

Я протянула ему один из моих ножей и добавила:

— Буду их поджидать у двери, а ты отвлеки внимание.

Нож исчез в руке Андрея, на мгновение он прикоснулся ко мне. Это было молчаливое обещание сражаться рядом и до конца.

Примерно через час тишины мы оба насторожились, услышав топтание у двери.

Дверь распахнулась и зажегся яркий фонарь на полную мощность, видимо с целью ослепить и деморализовать пленников, но так как а пряталась сбоку, луч фонаря прошел мимо меня, и я со всей силой, которую давала мне ненависть, ударила охранника Саниным ножом прямо в горло.

Он захрипел, поднял руки к ране, из которой полилась кровь и упал навзничь.

Брякнула связка ключей, Андрей подскочил к телу, выдернул телефон, я вытащила из кобуры пистолет, прихватили фонарь и мы пошли по коридорам, настороженно озираясь по сторонам. Благополучно поднялись этажом выше, я посмотрела в окно, прячась за тюлевой занавеской. Моим глазам предстал двор обнесенный кирпичным забором, и во дворе люди грузили черный полиэтиленовый мешок в уже знакомый фургон "Перевозка мебели".

— А я знаю этот дворик, — недобро усмехнулся Андрей, заглянул за дверь, оказалась кладовка, достал трофейный телефон, набрал номер и стал вполголоса разговаривать.

Закончив говорить, повернулся ко мне и сказал:

— Сюда Алена.

Он втащил меня в кладовку со швабрами и прочим инвентарем и показал на губы, призывая к молчанию.

Через пятнадцать минут раздался треск выстрелов и заметались лучи прожекторов, проносясь отсветом через щель в двери кладовой, я слышала крики, топот бегущих ног, и

ждала, держа дверь кладовой под прицелом.

А когда все стихло, Андрей шепнул мне

— Алена, убери пушку.

Дверь распахнулась и в сопровождении парней в камуфляже, мы с Андреем вышли наружу в ярко освещенный двор.

Многочисленная челядь Турка лежали на земле с руками сцепленными на затылке, а из подвала серого трехэтажного дома, камуфляжные ребята выносили и выводили, бережно поддерживая, каких то тощих оборванных людей.

Двое человек в медицинских перчатках рассматривали останки извлеченные из черного мешка, до меня донеслось:

— Вот же звери, бедного парня живым резали на куски.

Я заметила, что какой то мужчина подтолкнул Турка подальше в сторону, в общем шуме раздался одиночный выстрел.

Мое сознание плыло, и последнее, что я услышала совсем рядом.

— А где главный этого концлагеря?

И быстрый ответ:

— Убит при попытке к бегству.

После всех этих злоключений, по настоянию Андрея я наконец легла на медицинское обследование, договорившись, что возьму с собой кое какие милые сердцу личные вещи.

Из дома я взяла увесистую книгу "Мифы народов мира", вырезав в ней отличное ложе для вальтера, фланелевую пижаму и вернулась добропорядочной девушкой со смиренно опущенными глазами, но с настоятельной просьбой к персоналу, не трогать то, что мне принадлежит.

Мне ставили капельницы, давали разноцветные таблетки, я стала чувствовать себя лучше, и вечерами прогуливалась в плюшевых тапочках по отделению.

Как то я стояла у окна в больничном коридоре, бездумно глядя на центральный вход в нашу больницу.

Мое внимание привлекли два типа в дорогих пуховиках "Канадский Гусь" решительно идущие вперед к дверям. В памяти всплыл сентябрьский день на чердаке, и эти же типы хохочут в обществе Жакаева на лоджии отцовской квартиры.

Я помчалась в свою комнату, достала вальтер из Мифов народов мира и сунула в карман пижамы.

Неожиданно перед собой я увидела Рому в голубом одеянии врача.

Произошла немая сцена.

— Ты что тут делаешь? — требовательно спросила я.

— Я дежурный врач сегодня, перевелся в это отделение,

Алена, я тебя искал везде, в парк ходил, я хотел тебе сказать..

Я смотрела на него, как на инопланетянина. О чем он говорит? Выглянула в коридор, типы быстро шагали, явно по мою душу.

— Ложись! — крикнула я Роме.

Тот стоял, удивленно глядя на меня, потом за доли секунды в глазах появилась некоторая масляность.

Я сильно его толкнула на пол и выхватила вальтер.

При виде пистолета Рома испуганно охнул и пополз под кровать.

Один из типов уже бежал ко мне, я выстрелила, он упал, ловко перекатился, и

выстрелил в меня из положения лежа, пуля просвистела мимо, разбив банку с физраствором.

Я нажала курок в ответ, тип взвыл и затих.

Второй, рякнув "ах ты гадина!", выстрелил в меня, я хотела увернуться, но вспыхнул ослепительный свет.

Потом стало все равно и пришла темнота.

Когда открыла глаза, увидела сначала белый потолок, а потом Андрея рядом в кресле. Улыбаясь, Андрей наклонился и оставил легкий поцелуй на моих пересохших губах.

— С возвращением Алена, третий день прихожу дежурить около тебя.

Я попыталась повернуться, но боль пронзила голову и я со стоном упала на плоскую больничную подушку

— Ты чего? испугался Андрей, — ты не вертись, дай ране зажить. Тебя задело по касательной, но нужно лежать.

— Лихо ты сражалась, болтают, что даже врач штаны намочил от страха-весело добавил Андрей.

— А где Жакаев? — спросила я рассматривая Андрея.

Андрей оказался очень привлекательным в обычной обстановке, шатен как я, с белозубой улыбкой, и в мягком черном свитере, ловко облегающем широкие плечи.

— Жакаев, козлиная шкура, успел удрать. — ответил Андрей, наклонился ко мне и понизил голос, обдавая меня запахом мятной жвачки:

— Но мне донесли, что он улетел во Владивосток. Там его примут хорошие люди, а у меня как раз и дела там образовались. Бизнес то се. Ты только не лезь никуда Алена, отдыхай, поправляйся. Да, кстати, мой адвокат от твоего имени начал подготовку к процессу по возвращению тебе недвижимости по улице Краснофлотская.

Больше я Андрея в больнице не видела, лишь однажды приходил его адвокат, уточнил некоторые детали и передал мне от Андрея чек на приличную сумму денег.

Я выписалась из больницы через неделю на таблетки и домашний уход. Меня никто не беспокоил, да и некому было.

На улицах Нижнеярска вовсю царил зима, люди бежали закрывая покрасневшие носы от стужи, а в квартире деда мне было тоскливо, там пахло нежилым, кроме того допотопные батареи совсем не грели.

Я старалась жить обыденно, регулярно принимала лекарства, выходила только в ближайший гастроном, варила себе супы, жарила яичницу и котлеты, и думала о том, что нужно купить новое одеяло.

Однажды, возвращаясь с покупками домой, я заметила белевшее письмо в почтовом ящике. Сняв варежку, достала повестку в суд по поводу квартиры и письмо с владивостокским штемпелем. Из конверта выпала живописная открытка с видом Бухты Золотого Рога.

Мелким почерком на оборотной стороне открытки было написано:

"Здравствуйте дорогая Алена Николаевна!

Рад сообщить, что здоровье у меня хорошее, гуляю, местными красотами люблюсь, а вот старушка Жакаевна крепко приболела, не климат ей здесь, аж кровью кашляет. Беспокоюсь за нее и скучаю по нашим приятным беседам.

Целую крепко, Ваш Иван Андреевич Подземельнов."

Этой же ночью приснился мне Саня. В чистой белой рубашке, с зачесанными назад влажными волосами он сидел рядом со мной на нашей поляне, покрытой одуванчиками, смотрел на меня и улыбался.

Я проснулась с чувством покоя и законченного дела на душе.

Разве нами двигала только месть? Нет это была не столько месть, сколько желание справедливости.

Я знаю, Господи, ты сказал, что, сам выносишь приговор, "мне возмездие и аз воздам".

Но, у тебя Господи, время течет иначе чем у нас, простых смертных.

Земля пухом тебе, Санечка.

Я Н АЙДУ ТЕБЯ

— Мама! — Юлька прибежала, топоча толстенькими ножками— посмотри, что у меня есть.

В розовом кулачке беспомощно торчали задние ноги серого кузнечика.

— Отпусти его, солнышко— сказала я— это кузнечик, он так здорово прыгает.

Юлька разжала кулак, кузнечик почувствовав свободу, собрал все силы, оттолкнулся и отпрыгнув исчез в густой траве.

— Не надо их ловить доченька, им пусть живут, они маленькие, им больно когда мы их хватаем.

— И бабочек тоже?

— И бабочек.

Юлька унеслась в сад, а я вернулась к работе. Передо мной на мольберте стояла картина, я спешила закончить, пока розовый утренний свет не поменялся на интенсивно желтый дневной. Я смешивала краски, подбирая нужный оттенок, а в голове проносились события прошлых лет.

Моя обожаемая Юлька родилась от короткого романа с Андреем.

После мрачных событий, о которых не хотелось лишней раз вспоминать, я упала в объятия Андрею, как только он появился на моем пороге майским вечером с букетом цветов и балыком дальневосточной кеты.

Я и раньше была не бог весть каким экстравертом, а тут и подавно, отгородилась от мира. Новые знакомства значили для меня теперь лишь боль возможных потерь.

Хотя я выиграла суд с помощью Андреева адвоката и моя квартира на Краснофлотской благополучно вернулась, я туда не ходила, слишком больно было вспоминать об оскверненной Жакаевым нашей с папой счастливой жизни. Та квартира являлась для меня теперь символом угрозы и я предпочитала растить появившуюся на свет Юльку в дедовой двушке.

С Андреем у нас сложились теплые спокойные отношения, он периодически вывозил нас с Юлькой в Москву, Сочи и на местные турбазы.

У Андрея уже была семья: молчаливая жена и двое белоголовых мальчиков близнецов. О разводе не могло быть и речи, да я и не настаивала, решив пусть идет все своим чередом. Главное, все живы-здоровы, а там какнибудь образуется.

Замуж я совершенно не стремилась. Я обнаружила, что стала быстро уставать от присутствия других людей. Словом, когда Андрей появлялся с продуктами и подарками для Юльки на выходные дважды в месяц, такой алгоритм замечательно меня устраивал. Он приезжал с ночевкой, мы с Юлькой ему радовались, тем не менее, когда ему нужно было уходить, я с огромным облегчением закрывала за ним дверь, слушая удаляющиеся шаги.

Подруг по училищу я практически не видела и не хотела видеть, на Фейсбуке и в одноклассниках меня тоже не было, а новых друзей не завела, так и жила одиночкой.

Я рисовала идиллические пейзажи и натюрморты, выставляла свои работы в местные галереи, иногда их покупали, и тогда я очень гордилась собой.

Но мысленно я почему не могла совсем оторваться от прошлого, даже заботы о моей горячо любимой Юльки не очень отвлекали.

Однажды под вечер, дочку забрал Андрей, показать своим старикам, а я осталась одна.

Я проснулась в шесть утра, посмотрела на застеленную розовым покрывалом Юлькину кровать, и вдруг быстро одевшись в спортивный костюм, поехала на остановку Лесной институт.

Вскоре я уже стояла на моей тайной поляне. Столб, в который было кинута так много ножей и выпущено так много выстрелов, теперь подгнил у основания и лежал распадающийся в коричневую труху.

Я двинулась знакомым маршрутом вглубь леса, вдыхая запахи лежалой листвы, новорожденных грибов и нагретой хвои. Я перешагивала через кучи хвороста, огибала подозрительные места, узнавая чутьем дорогу вышла к бурелому, которого стало еще больше. Обдираясь о сучки, я расчистила покрытый наростом мхом вход в землянку и всхлипнула. На мгновение мне почудился рядом Саня.

Я с усилием открыла успевшую вращаться в землю дверь. В землянке было сыро и пусто, но все также стоял почерневший стол, а на лежанке лежало полусгнившее тряпье. Сердце мое бешено заколотилось, словно я сейчас увижу Саню и саму себя, тоненькую с решительно сжатыми губами.

Я стала осматривать землянку, тут же побежали в разные стороны потревоженные мокрицы и сороконожки. На полке в пластмассовом пенале Саня хранил ножи, ложки вилки, всего по две и консервный нож.

У печки я обнаружила стеклянную трехлитровую банку, закупоренную железной крышкой, а в ней письмо. Руки мои задрожали, я открыла банку консервным ножом, осторожно вытащила письмо и стала читать:

"Алена, если ты читаешь это значит мне пришли кранты. Ты не убивайся по мне, главное живи сама. Ктонибудь пришлет этого козла и без тебя. Тебе надо жить за нас двоих. Я тебя давно люблю, только чего то стыдно было всегда сказать. Я часто мечтал, что мы однажды поженимся. Ты береги себя, Аленушка. Целую крепко. Саша."

Я вышла и зарыдала в голос.

Слезы лились фонтаном. Я плакала обо всем том, что я запретила себе вспоминать, но оно прорывалось гнойниками в мои тревожные сны, а еще и наяву знакомыми движениями или посадкой головы у случайного прохожего.

Я стала часто приходить в землянку, и приводить ее в порядок. Постепенно прочистила вентиляцию, выбросила старую мебель, поставив пластиковую дачную мебель: шезлонг, стул и стол. И даже однажды притащила несколько кирпичей, подремонтировать печь.

Спустя месяц Андрей позвонил и пообещал нам с Юлькой трехдневную поездку на теплоходе по Яровке. У Андрея дела шли не очень хорошо: классический упадок хорошо когда то начинавшегося бизнеса. Но, мелкие радости мы пока еще могли себе позволить. Я прихватила этюдник, краски, карандаши. Собрала чемоданы, розовый в белую клеточку Юлькин и черный мой. С утра примчался Андрей, перецеловал нас, подкинул к потолку визжащую от восторга Юльку и мы отправились к месту посадки.

Теплоход "Нижнеярский речник" уже был заполнен оживленной пестрой публикой. Дав гудки, он медленно отчалил, а мы тут же пошли искать приключений.

На палубе заиграла популярные песни местная группа, потом выступал фокусник.

Я устроившись в стороне, делала наброски артистов, Андрей фотографировал все подряд, а Юлька открыв рот, наблюдала движение вокруг. По обеим берегам Яровки располагались селения, перемежающиеся с лесами. Моторные лодки носились в разных направлениях.

Шел второй вечер путешествия, Юлька утомленная множеством событий зевала и терла глаза. Андрей отнес малышку в каюту, уложил, и когда на небе высыпали звезды, мы танцевали на палубе под медленный блюз

По такому случаю я одела бирюзовое атласное платье с открытой спиной и выглядела великолепно. Разгоряченный Андрей заказал официанту бутылку шампанского в каюту. Мы вернулись в обнимку, Юлька спала за занавеской, а мы тихо, чтобы не разбудить ребенка, целовались. В дверь постучали, просунули шампанское, мы выпили, потом у меня закружилась голова и я отключилась.

Разбудил крик Андрея:

— Алена! Юлька пропала!

Я подскочила как пружина. На столе по прежнему стояли недопитые бокалы, полбутылки шампанского. Вещи Юльки все на месте: клетчатый чемоданчик, розовые туфельки, а Юльки нет.

Я взвыла от страха, а по судну шло объявление "Внимание! пропал ребенок".

Поднялись на борт люди в милицейской форме с овчаркой. Собака обнюхав Юлькины вещи побежала на корму, там закрутилась у левого борта, и глянув на нас умными глазами гавкнула несколько раз.

Я упала на колени. Как моя крошечная Юлька могла пройти среди такого количества народа и свалиться за борт?

Не нашлось ни одного свидетеля и самое странное, никто не признался что приносил шампанское. Андрей запомнил только то, что заказал шампанское чернявому парню в униформе официанта: белая рубашка, черные брюки и черный галстук бабочка.

Экспертиза показала, что шампанское было набито барбитуратами под завязку.

Нас без конца таскали на следствие, опрашивали команду теплохода и пассажиров. Водолазы искали тело, но так и не нашли, решив, что отнесло течением, а куда, да кто знает. Течение в этом месте сильное, а дно Яровки илистое.

В это страшное время я не могла находиться дома, стены давили почти физически и я порой раздирала лицо ногтями, чтобы унять хоть немного внутреннюю боль.

"Почему?" вопрошала я "Почему?"

Я принимала успокоительные таблетки, мне виделись вокруг смутные тени, призрачные люди, среди них я угадывала моего отца, маму, деда. Я сходила с ума, я разговаривала со своими призраками, смеялась, обижалась и даже спорила. Под действием лекарств, я постепенно перестала следить за собой. Мне стало все равно, причесалась я сегодня или одела свежее белье. Я ходила в одних и тех же обтрепанных джинсах неделями.

Но, каждое утро я вставала на автомате в шесть и уезжала на поляну, чтобы с остервенением метать ножи в собственноручно вкопанный новый столб. Он стоял как мой единственный маяк реальности в мире фантомов.

Андрей посетив меня и увидев, во что я превратилась, не смог пробыть рядом и десяти минут, сбежал под каким то предлогом. Я его не винила, у него есть двое мальчиков, которых надо растить и жена домохозяйка, которая печет ему пироги.

Однажды, когда я возвращалась домой, меня сильно толкнул мальчишка зацепил сумку и пробежал мимо. Я увидела воткнутое прямо в сумку письмо. Я тут же открыла конверт и сердце упало в пятки, а потом взлетело выше горла. В нем лежала фотография насупленной Юльки с датой вчерашнего дня. Выпал отпечатанный текст. "Сто тысяч долларов. Одна неделя. Следуйте указаниям"

"Она живая!" Сто тысяч долларов воспринимался как что то далекое и незначущее. У меня нет таких денег все равно.

Позвонил Андрей и сказал:

— Я подъеду, Алена.

Он приехал с тем же Юлькиным фото, но с другим текстом: "Сто тысяч долларов. Одна неделя. Следуйте указаниям. Если обратитесь в милицию, она умрет."

— У меня нет ста тысячи долларов— озабоченно сказал Андрей, — я весь в долгах и на краю банкротства, но я попробую еще занять, главное она жива. Эй Алена, наша Юлька жива!

Он прижался ко мне и заплакал содрогаясь большим телом.

Я обнимала его, но уже не плакала, внутри меня собирался тугой ком решимости.

Андрей собрал только сорок пять тысяч долларов. Мы сложили их в полотняную сумку вместе с запиской, где просили подождать еще несколько дней.

За день до срока, Андрей получил новую записку, где было предписано ему уложить деньги в сумку и идти по улице Серафимовича в десять утра к остановке Заводская. Там ждать.

* * *

В назначенный день Андрей медленно продвигался по Серафимовича, то и дело оглядываясь, тут на него неожиданно налетела стайка молодых цыганок. Они с криками закрутили Андрея, хватая его за одежду и смеясь. Одна круглолицая сорвала с его плеча сумку и вскочила на заднее сиденье подъехавшего мотоцикла. Мотоцикл тут же улетел на предельной скорости, а стайка разбежалась в разные стороны. Андрей было погнался за ними, но потерял всех из виду и расстроено махнул рукой.

Я все это время шла параллельно движению Андрея, прячась с биноклем в кустах. Когда на него налетели цыганки, я отлично разглядела их лица, профиль прыгнувшей на мотоцикл круглолицей цыганки, ее две мотнувшиеся черные косы.

Вечером я в интернете я искала подобный мотоцикл и он нашелся достаточно быстро. Судя по всему, похитители сумки использовали дорогой Харлей Дэвидсон.

От преступников мне больше ничего не приходило, а Андрею пришло новое письмо с цифрой 55 000.

И нарисован кинжал, с которого капает кровь.

Я стала мысленно перебирать своих знакомых, кто может помочь найти обладателей Харлей Дэвидсон в Нижнеярске и вспомнила: у меня же в ГАИ работает бывший одноклассник, Витя Шокин.

— Витя, привет это я Алена Кушкина, мне нужно с тобой встретиться, — оставила я сообщение на домашний телефон

Витя перезвонил через час и бодро прокричал:

— Алена привет, давай встретимся хоть сейчас.

На встречу Витя пришел нарядный, возбужденный, но заметно помрачнел, когда я попросила узнать владельцев Харлеев в Нижнеярске.

— А я то думал. А ты что затеяла?

— Да купить хочу, может договорюсь с владельцем. А как у тебя дела?

— Нормально— отозвался Витя— в отпуске, завтра лечу в Симферополь. Думал, может ты со мной захочешь, я так и живу холостым.

— В другой раз, Витечка— как можно ласково сказала я, допивая чай. — Дел у меня много, к выставке готовлюсь "Магия цветов". Ты сбрось мне на емейл, хорошо?

Витя не подвел, и вечеру я знала, что только три человека в Нижнеярске имеют Харлей Дэвидсон. Я поискала их по фамилиям. Один сразу отпал. Вальжный вернувшийся из США программист с брюшком не подходил по телосложению, а два других парня возможные кандидаты.

Я подъехала к дому, где жил один из кандидатов, позвонила в обитую облезлым дермантином дверь. Мне тут же открыл худой бритый под ноль парень.

— Чего тебе? Я девушку жду.

— Ты Леха Гребенников?

— Ну я. — озадаченно произнес Леха

— Слыхала от знакомых, Харлей продаешь.

Парень заржал.

— От кого ты слыхала?

Тут и девушка подошла, в мини юбке, ярко покрашенная блондинка. Встала так, чтобы видеть лица обоих и наблюдала за нами с подозрением.

— Харлей сломан нафиг-сообщил Леха глупо улыбаясь.

— А на запчасти продашь?

— Продаст— неожиданно встряла девушка.

Мы отправились к гаражам. Леха открыл зеленую дверь и включил тусклый свет. Среди оклеенных байкерскими плакатами гаражных стен, Харлей одиноко стоял в пыли без колес и двигателя. Явно, что никто им давно не пользовался.

Я изобразила радость.

Мне он позарез нужен только не для себя, а для брата.

— А чего, — мирно сказал Леха, обнимая подругу, — продам брату то.

Оба смотрели на меня с большим дружелюбием.

Договорились что позвоню, пожалала Лехину пятерню, влажную ладошку его подруги и с облегчением покинула их.

Мой следующий визит был к Максиму Белых, который проживал на окраине в деревянном барачном строении под снос. Максим как и Леха, открыл дверь без лишних вопросов. В нос ударил запах прокисшей еды и старых вещей. Я моментально узнала мотоциклиста даже без шлема, по длинным лохмам, которые я видела и в прошлый раз.

— Максим! — радостно произнесла я и кинулась ему на шею.

Он недоуменно посмотрел на меня и обнял меня тоже. Так в обнимку зашли в гостиную, я уселась на наиболее чистый стул. Максим последовал за мной, сел рядом и выжидательно уставился на меня. Тут я нацелила на него вальтер.

Максим остолбенел. Улыбка сползла с лица на глазах.

— Че ты.

— Сколько тебе цыганка заплатила? И куда ты ее возил?

— Пять тысяч рублей, — с готовностью ответил Максим. — Возил в цыганский поселок. А чего ты пистолет вытащила?

— А с того, что они похитили моего ребенка и требуют выкуп! И ты принимаешь в этом участие.

— Я не знал! — почти жалобно закричал Максим. — Клянусь не знал. Мне заплатили, только чтобы я быстро подъехал и подвез эту цыганку.

— Кто заплатил?

— Да Василий цыган, он на пяточке бывает, где нарики толкуются.

— Куда ты ее подвез?

— Куда сказала.

— А куда сказала?

— К дому.

— Как дом выглядит?

— Обычно выглядит, обит рейкой, с красной крышей, ворота сломаны. Находится слева от въезда.

— Как Василий выглядит?

— Обычный цыган, лет сорока, толстый, кудрявый, зубы слева золотые. Ты убери пушку то.

Я поднялась и стала отступать, держа Максима на прицеле. Он зачарованно следил за мной.

— Имей в виду Максим, ты соучастник похищения ребенка-сказала я ему. — А значит сейчас отвезешь меня и покажешь этот дом.

— Вот ввязался на свою голову, не поеду, он меня убьет.

— А так я тебя убью — ответила я. — Или ментам сдам. Провези мимо дома, этого достаточно.

Максим задумался, потом встал и сказал

— Дурак я. Поехали.

Я спрятала пистолет, мы спустились вниз, Максим завел свой Харлей Дэвидсон, я села за спину нацепив полученный шлем и мы помчались в стороны цыганского поселка, не доезжая до него Максим крикнул:

— Красная крыша налево!

Он пронесся по замусоренному поселку, распугивая флегматично лежащих псов. Поселок состоял из примерно двадцати домов. Самый лучший двухэтажный дом, видимо принадлежал цыганскому барону.

Нужный мне третий дом слева с железной красной крышей оказался обычных размеров, обит сосновой рейкой и обнесен высоким забором со сломанными воротами.

В тот же вечер я впервые приехала к Андрею, и стоя у входной двери рассказала ему все полупшепотом. Жена высунувшись, скользнула по мне хмурым взглядом, ко мне не вышла, а напротив плотно закрыла за собой дверь.

Я поймала во взгляде Андрея вину, но мне уже было глубоко плевать на его семейную жизнь.

— У тебя есть фотографии с теплохода? — спросила я.

Андрей закатил глаза, не время для воспоминаний. Я сильно ткнула его в бок.

— Давай, завтра вдвоем с утра к Максиму с фотографиями, может кого и опознает.

Он принес мне пачку и прошептал,

— Алена, хорошо, завтра в восемь утра подъезжай на угол, поедем к нему, а сейчас извини, дома скандалы постоянно. И больше не приходи сюда.

В подтверждение его слов, за дверью что то со звоном рухнуло и раскатилось по полу на множество осколков.

Глава 11

На следующее утро мы с Андреем подъехали к дому Максима. Основная масса народа уже находилась на работе и мы никем незамеченные поднялись по скрипучим полусгнившим ступеням на его второй этаж. Позвонили, подождали, позвонили опять. Никто не ответил.

Андрей толкнул неожиданно распахнувшуюся дверь. Мы осторожно зашли и почувствовали: к запаху прокисшей еды добавился металлическо кисловатый запах свежей крови.

Максим лежал в гостиной с пробитой головой, а вокруг растеклась алая, только начавшая сворачиваться по краям, кровь. Он был убит буквально перед нашим приходом.

— Назад! рывкнул Андрей и мы выскочив, сбежали вниз по ступенькам, стараясь не дышать.

Сели в машину, отъехали, оба молчали ошарашенные. Наконец Андрей промолвил:

— Парень видать сдуру позвонил этому Василию.

Я продала квартиру отца и собственную, и это все что у меня было. С кризисом мы еле еле выручили нужную сумму.

Мы собрали пятьдесят пять тысяч долларов, положили в указанное место. Но Юлька так и не вернулась. Вместо ребенка мы получили записки с дополнительной суммой \$20000.

Больше денег у меня не было, даже если я продам все свои органы,

Я ненавидела Андрея и себя за тот теплоход, и за то, что нет денег.

Нам было нечем заплатить похитителю в этот раз.

Через неделю у меня и Андрея под дверями появились идентичные конверты с единственным фото посиневшей мертвой Юльки.

Я лежала пластом трое суток, а на четвертую ночь, когда я закрыла глаза, то ли во сне то ли в бреду мне привиделся Саня. Он меня хлопнул по плечу и протянул метательный нож. Пробуждения мое было очень неохотным, мне не хотелось возвращаться к тоскливым реалиям, но правая рука еще чувствовала тяжесть ножа.

И я поднялась, загнав мои печали далеко в сердце, теперь я знаю, что мне нужно сделать.

Вечером, спрятавшись со своей старенькой Волгой в лесопосадке, я в бинокль наблюдала жизнь цыганского поселка. Подъезжали автомобили, выгружались увесистые черноволосые мужчины и женщины, заносили в дома пакеты и мешки, что то оживленно обсуждая. Собаки флегматично бродили сами по себе, никому не мешая и никого особенно не выделяя, казалось собачье и человеческое племя существуют сами по себе в своих матрицах. Остановился автобус, из него вылезли цыганки, которых я часто видела на “пяточке”, так называлась горожанами небольшая площадь около городского сквера.

“Люди как люди, возвращаются с работы, только вот их работа почему то тесно связана с вредом ближнему,” подумала я, разглядывая смуглые лица.

В интересующий меня дом с красной крышей вразвалку направилась толстая цыганка средних лет, в кожаной куртке нараспашку и в синей с золотой каймой сборчатой юбке. Навстречу ей вышла старая низкорослая женщина с седыми косами и обе скрылись за

дверью.

Понемногу поселок стал затихать, группы людей стоявших на улице разбрелись по домам, а я терпеливо ждала.

Когда наступила ночь, я вытащила припасенную канистру бензина, сунула в карман пару кусков вареной колбасы и отправилась к дому с красной крышей. Залаяла и подбежала с грозным видом белая собака. Я достала кусок колбасы поводила перед смутно видимым носом, собака принялась и колбаса полетела ей в пасть.

Она проводила меня без лая до самых ворот, в благодарность за молчание я ей бросила еще кусок.

Я свободно прошла через незапертые сломанные ворота, поставила канистру у входной двери и медленно обогнула дом. Свет горел только в одной задней комнате. Я осторожно заглянула. в маленькое окно.

Через редкую ситцевую занавеску было видно толстую цыганку в синей юбке, она укладывала многочисленные одинаковые пакеты с белым содержимым в коробку. Комната выглядела как обычная деревенская: на стенах ковры, полированный стол, старомодный сервант. Вдруг цыганка подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Я отпрянула от окна. Она меня не могла увидеть через занавеску, но видимо что то слышала. Согнувшись, я продолжала красться, надеясь найти дверь на задний двор, как это часто бывает в деревенских домах. Но дверь отсутствовала и обойдя дом, я вернулась к входной.

Приникла ухом, прислушалась, все было тихо.

Осторожно подергав дверь, я просунула нож, подцепила ножом щеколду, открыла и зашла в темный коридор. Половицы предательски скрипнули. Черт, надо действовать быстро. Я распахнула дверь, из под которой пробивался свет и бросилась на толстую цыганку. От неожиданной атаки, та свалилась мешком под мной.

— Где девочка? — спросила я ее.

— Девочка? Какая девочка? — завизжала она и обхватила мою шею, пытаюсь сдавить. Я ударила цыганку рукоятью ножа в скулу. Она взвизгнула:

— Ай! Не бей!

Я кольнула лезвием в ее щеку.

— Где девочка?

— Какая девочка?!

Я кольнула сильнее.

— Василий знает! — вскрикнула цыганка.

— Где его найти?

— На пяточке торгует. Он тебя убьет!

И вдруг заорала какие то слова на своем языке во весь голос.

Я ударила ее рукоятью вновь уже изо всех сил и по голове. Она замолчала и обмякла.

Послышалось шуршание, старая цыганка в розовой ночной рубашке показалась в проеме с Макаровым в морщинистой руке. Я упала на ковер, перекатилась и пулей вынесло стекло в серванте.

Лежа, с пола метнула нож в старуху, он попал ей точно под сердце. Та свалилась бесформенной розовой грудой.

Густой запах крови повис в комнате, а по напольному ковру расползались красные пятна. Меня затошнило и хотелось убежать, но я сжав зубы, выдернула свой нож, обтерла об

розовую рубашку убитой старухи и сжимая его в руке, вышла из дома за канистрой. Я была готова к нападению.

Вокруг по прежнему стояла тишина, никто в поселке так и не услышал шума, возможно благодаря увешанными коврами стенам.

Я принесла и открыла канистру, щедро наплескала на дверь, полила мебель, ковры, На кухне нашла трехлитровую бутылку подсолнечного масла, и тщательно промочила одежду, найденные полотенца, бросая их тут же на полу. Закончив обливаться, я открыла дверь настежь, смяла газету, чиркнула зажигалкой и бросила в грудку промасленных тряпок в коридоре. Взметнулся ослепительный столб огня, я рванула, что было силы прочь из дома к лесопосадке.

Завела машину и не включая свет, тихо выехала из за кустов на дорогу. В зеркало мне было видно зарево бушующего пожара, а поднявшийся ветер определенно стал моим помощником. Дорога оказалась пустынной, я включила фары и поехала в Нижнеярсск.

Мое сознание фиксировало все, но не было ни единой эмоции после убийства. Ни радости ни сожаления о погибших, только упадок сил и страшная усталость.

Руки мои и одежда все пропахло бензином и мне очень хотелось переодеться, а лучше принять душ. Но будем обходиться тем что есть. Неподалеку от остановки Лесной институт я припарковалась в ближайшем дворе между двумя микроавтобусами, обтерла руки и лицо влажными салфетками, перелезла на заднее сиденье, с головой укрылась дедовым пледом и крепко уснула.

Разбудили меня громкие голоса совсем рядом. Я высунулась из под пледа и увидела в сером утреннем окне, толстый зад обтянутый синими джинсами водителя, который лез в этот момент в микроавтобус.

Нижнеярцы встречали новое утро, выходили из дома и спешили с мрачным видом кто к своему транспорту, кто на остановку. Мне нужно было срочно сделать много дел, от естественных надобностей до поесть. Дикий голод мучил меня с момента пробуждения.

Дождавшись когда стало тихо, я вылезла из машины и отправилась в ближайшие кусты. Оттуда прямо в лес, никем не замеченная к моему единственному теперь убежищу. По росистой траве я пробиралась по лесу, наслаждаясь мирным утром.

В землянке по прежнему царили тишина и спокойствие, я в нее возвращалась с радостью словно к себе домой. На полу стояла большая бутылка с питьевой водой. На полке рядом выстроились консервы сайра, скумбрия, килька, в трех стеклянных банках запас крупы, галеты и пряники. По полу метнулся какой то зверек, я открыла ему дверь и он выскочил прочь.

Я хмыкнула, вот такая я дочка архитектора, и это моя нынешняя экологическая квартира.

Умылась с мылом у ручья, потерев руки галькой, переделась в просторные мешковатые штаны и футболку. Спортивный костюм пахнувший бензином я сунула в печку, положила дров и подождала. Закипел чайник на плите, я заварила чай, бросив туда дикой мяты, открыла банку сайры, достала из банки галеты. Прихлебывая ароматную горьковатую жидкость из высокой походной кружки, стала составлять план.

— Если бы ты был здесь, — обращалась я к Саше вполголоса, глядя в темный верхний угол землянки:

— ты бы наверное сказал, расстрелять всех сволочей за раз. Но я одна, у меня никого не осталось, на меня наверное скоро выйдут. Мне надо быть хитрой, Саня.

Покончив с чаепитием, я вышла из землянки. Завалив дверь хворостом. и припорошив ветками вокруг для придания нежилого вида, отправилась обратно в город к своему автомобилю. Через час я уже ехала по улицам Нижнеярска по направлению к магазину секунд хэнд. Там мной были приобретены длинное темное платье в мелкий цветочек, серую кофту, широкую юбку и к ней черную кофту в складку на животе для беременных, черный же платок, яркий красный сарафан, поношенную соломенную шляпу. В магазине театральных принадлежностей я купила коробку грима, жидкий латекс и кисточку для создания морщин, жидкость для снятия грима и два парика седой и платиновый блонд.

Когда я загружала свою маскировку в машину, я почувствовала, что это именно то что мне надо.

Теперь меня точно не найдут.

В цыганском поселке чумазые ребятишки лазили по останкам сгоревших домов. Версии множились, обитатели обсуждали каждую, прибавляя от себя цветистые подробности.

Василий потерянно бродил среди черных головешек. Ночной пожар перекинулся на два соседних дома и люди едва успели выскочить в чем были.

А вот жена и мать Василия не успели, хорошо что дети ночевали у жениных родителей на другом конце поселка.

Мужчина глубоко вздохнул. "А убытку сколько. Весь товар сгорел, доллары предназначенные за оплаты новой партии сгорели. Придется брать товар в долг у братьев и выкручиваться. Совсем нечего продать." В голове Василия шла лихорадочная работа, мозг перебирал все известные варианты получения денег и наконец остановился на полузабытой возможности. Лицо Василия прояснилось. Он возместит утерю, хотя бы частично, только нужно связаться с заинтересованными людьми, которые купят это.

По улицам Нижнеярска брела сгорбленная пожилая женщина в старомодном платье в мелкий цветочек и длинной серой кофте. На голове у нее была повязана выцветшая косынка из под которой выбивались седые пряди. Глубокие морщины пересекали лицо женщины. Она иногда останавливалась, разглядывая витрины и спешащих людей, потом брела дальше. Напротив пятачка, излюбленного места где толкуются цыгане, наркоманы или отчаявшиеся женщины в надежде на цыганское гадание, находился небольшой скверик с рядом серых скамеек на бетонном основании.

Женщина присела на ближайшую скамейку, достала журнал и стала читать периодически оглядывая пятачок.

На пятачке стояла Тойота Камри с водителем цыганом лет сорока, а к нему периодически подходили молодые тощие парни.

"Василий", подумала женщина.

Она взглянула на цыганок, их было сегодня меньше обычного не более десятка молодых. Цыганки приставали к проходящим, предлагая золото. Одна из них совсем юная, круглолицая звонко смеялась.

Милиционер равнодушно прошел мимо, разговаривая по телефону, невзрачная пожилая женщина продолжала читать журнал оставаясь неприметной и не заслуживающей внимания. Взгляды людей с удовольствием останавливались на молодых красивых, но скользили мимо старых изношенных тел и лиц.

Приближалось время обеда, цыганки увеличили выброс децибел и толпой направились в ближайшее кафе

Пожилая женщина сунула журнал в сумку, кряхтя встала со скамейки, сильно сутулясь подошла к Тойоте Камри, заглянула в открытое окно.

Цыган презрительно посмотрел коричневыми глазами навывкате на пожилую бедно одетую тетку:

— Чего нада? Иди давай отсюда, — прикрикнул он на нее.

Женщина криво улыбнулась и вдруг неуловимым движением выхватила пистолет, нацелив мужчине в лоб.

— Где девочка? хрипло спросила она.

— Выражение лица цыгана с презрения сменилось на крайний испуг.

— Какая девочка не знаю никакой девочки клянусь, быстро затараторил он.

— Врешь сука, знаешь, — холодно произнесла женщина

— Не знаю клянусь! и вдруг оскалившись, выбросил руку, но схватил лишь ткань рукава.

Одновременно раздался легкий хлопок, из простреленной головы побежал тонкий кровавый ручеек, набирая силу. В городском шуме и гаме никто не услышал выстрела. Пожилая женщина по прежнему не замеченная, горбясь отошла от автомобиля и двинулась по направлению к аптеке, но уже около аптеки резко свернула в ближайший подъезд и спустилась в открытый подвал. Там морщась от запахов гнилых овощей, сбросила платье, кофту, косынку и парик, сложила в пластиковый пакет и протерла лицо от грима.

Исчезла пожилая женщина с лица земли, как будто и не было никогда. Обычная худенькая девушка в майке и черных леггинсах отправилась по своим делам.

Я неспешно прогуливалась, беззаботно помахивая пакетом, улавливая истошные крики с пяточка.

Оставляя за собой тлен и разорение” всплыла в памяти цитата бог весть откуда.

Подъехал полупустой автобус, я отправилась за город. Я помнила, что недалеко от заброшенных карьеров располагалось внушительное болото, где то и дело увязали и тонули козы местных жителей. Мне надо было как можно быстрее избавиться от улики и болото подходило к моему плану отлично.

Карьеры заросли молодым ивняком. Природа быстро затягивала шрамы от нанесенных человеком увечий, скоро тут будет овраг, а по дну однажды побежит ручей и будут прыгать зайцы, пока человеку не стукнет в голову новая идея по добыче денег. Я с сожалением выбросила пистолет в болото, туда же полетел пакет с вещами и камнями для тяжести.

Уже в городе купила газету Нижнеярские вести, увы телевизора мне теперь долго не видеть. На первой же странице бросилась в глаза статья о бушевавшем пожаре в цыганском поселке, который перекинулся на соседние дома. Найдены два сильно обгоревших трупа, подозревается поджог. Газету я забрала, она мне пригодится на растопку собственной печи.

Неожиданно, тяжелой волной нахлынули мысли о Юльке, я застонала от боли и потряс головой постаралась переключиться. Потом, я буду горевать потом. Иначе мое страдание отнимет так нужные мне сейчас силы.

Через пару часов я была в своей землянке. Улегшись на пластмассовый шезлонг обдумывала дальнейшие действия. Станным образом для меня потеряло ценность абсолютно все, в том числе и собственная моя жизнь. Мне было все равно, поймают ли меня, убьют в муках, или посадят за убийство, переживу ли я зиму в землянке без денег, друзей и помощи. Даже Андрей стал блеклым выцветшим пятном моей неудачливой биографии. Все это не имело никакого значения для меня. Я получила анестезию во всю душу, единственное что двигало мной желание уничтожить всех, кто отнял у меня Юльку.

Я вспомнила стайку цыганок, Андрея, мотоциклиста. И если к этому причастен весь поселок, подумала я засыпая, они об этом пожалеют.

Уже второй день я ходила с платиновыми локонами из под соломенной шляпки, в красном декольтированном сарафане по летнему городу, прикрыв глаза солнцезащитными очками. Я инстинктивно избегала те места, где была счастлива, где было жилье, учеба и другая жизнь. Я не хотела растравливать душу воспоминаниями, а намечала план следующей операции. Но все же не удержалась и зашла во двор Андрея, решив просто пройти мимо его автомобиля. Все таки не чужие люди были когда то.

Около его подъезда происходило движение. Стояли люди вполголоса переговариваясь. Среди толпы я узнала жену Андрея с распухшим носом и глазами в черной брючной паре, двое белоголовых мальчиков рядом. Жена Андрея уткнулась в плечо какому то седому мужчине, а он ее обнял. Что черт возьми, происходит?

— Что произошло? спросила я у ближайшей женщины.

— Да видишь, похоронили этого с третьего этажа, а вон и жена его с детьми, — охотно отозвалась собеседница.

Я так и ахнула:

— А что с ним случилось?

— Дык застрелили его прямо в подъезде. Наехало бандитов отовсюду, а там и денег то говорят было две тысячи в карманах. Он вроде как совсем разорился, раньше то куда какой модный был.

Тетка махнула рукой и отошла от меня.

"Ой-ей-ей Андрей, да как же это так, вот и еще одна живая ниточка оборвалась", думала я с тоской, покидая двор. Что же осталось мне, кроме меня самой? Ничего.

* * *

Некоторое время присматривалась нет ли наблюдения около моей машины. Нет его не было. Тем более я часто ставила ее в разные дворы. Проходила мимо пяточка. Цыганки там также толклись, но их наглость и количество резко поубавилось. Они выглядели растерянными, а я заметила ту самую круглолицую, которая тогда вырвала сумку с деньгами. Девушка теперь выглядела понуро. Там где прежде стоял автомобиль Василия, я не увидела ни людей, ни автомобилей. Я злорадно усмехнулась "так вам и надо сволочам".

Наркоманы видимо тоже пребывали растерянности.

Следующим в моем плане было поймать цыганку, увезти в тихое место и выпытать все, что известно про мою дочку. Я была уверена, что они как муравьи отвечают за свои действия коллективно а значит знают все про преступления друг друга. Решено, подумала я: оденусь старушкой и предложу купить золото, которое лежит в моей квартире. Когонибудь да и выманю.

В черном юбке до пят, широкой кофте, черном платке повязанном по грузински, в толстых очках и с нанесенными морщинами на лице я ковыляла по скверику. Села на скамейку потирая поясницу, огляделась. Цыганок сегодня собралось не больше шести. На меня внимательно посмотрела круглолицая. Тебя то мне и надо, красавица Я подошла.

— золото покупаем дорого, — запели цыганки.

Я обратилась к круглолицей.

— Золото купишь девушка?

— Да куплю, приноси дорогая.

— Они у меня дома, монеты, колечки, я старая, боюсь его таскать.

Цыганки оживились и мигом собрались смотреть мое золото, но я отказалась.

— Одна пойдет, одной продам, а то знаю я вас. Вот ей и продам и я ткнула пальцем в круглолицую.

Мы с цыганкой удалялись от центра, по дороге я ей рассказывала что живу одна, золото досталось от родителей, глазки ее горели от алчности, а я подкидывала подробностей.

Потихоньку мы добрались до переулка Понтонный. Там, когда то стояли приличные дома, жили уважаемые работники речного флота, а сейчас остались развалины под снос, где собирались бомжи.

Я оглянувшись по сторонам, резко ударила цыганку в висок, та упала навзничь, и я быстро затащила ее в ближайший разрушенный дом.

Обернула припасенной липкой лентой запястья за спиной, щиколотки вместе и заклеила ей рот.

Девушка глядела на меня с ужасом. Я наклонившись к ней, произнесла глядя в глаза:

— Будешь жить если ответишь. Ты поняла?

Она кивнула.

— Где девочка?

Она не шевелилась.

— Если есть ответ живешь. Если нет, — я достала нож и провела по смуглой шее. Поднесла острие ножа с каплей крови к ее глазам.

— У тебя есть ответ?

Она закивала.

Я содрала ленту с губ.

— Девочка в Круглово. Не убивай пожалуйста.

— Она жива?

— Жива, не убивай-простонала круглолицая.

Я задохнулась, горло перехватило и игла вонзилась в сердце, часто и помалу дыша, боясь вздохнуть полной грудью я отошла в сторону. Это ложь. Я ведь видела фотографии мертвой Юльки. А если меня обманули и ее загримировали? Всего то надо немного синей краски. Я отгоняла мысли, для каких целей ее могли оставить, главное она возможно не в земле, а в Круглово.

Продышавшись, вернулась к круглолицей.

— Адрес знаешь?

— Нет ответила она. — Василий знал.

Я налепила ленту на ее рот, обыскала, вытащила из юбок смартфон и сказала.

— Я поеду в Круглово. Если она там, позвоню твоим, чтобы тебя выпустили... Если ее там нет, тебе не повезло. Тут много голодных собак.

Я оторвала кусок липкой ленты заклеила ей рот опять и вышла из дома.

Час спустя, я смывала грим и латексные морщины, в голове все ширилась заполняя мозг радостная мысль "Она может быть жива! Остальное неважно."

С собой взяла два ножа, больше у меня не было никакого оружия.

Купила тетрадь, карандаш, три пачки яблочного сока, заправила бак бензином и поехала в Круглово, небольшое село в 40 километрах от Нижнеярска.

В Круглово на местном крытом базарчике крашеном в зеленый цвет, бабки продавали яблоки, капусту, лук зеленый в пучках. Мимо прошли по утиному переваливаясь две

цыганки.

Бабки проводили их неприязненным взглядом и одна сообщила,

— Купили дом Лаврентьевых, вот они там и гужуются.

— Это каких Лаврентьевых, которые у магазина или которые у пруда? спросила ее товарка повязанная белым платочком.

— У пруда, — ответила бабка сбрызгивая яблоки водой. — И уже картошку у соседей повыдирали, черти, как есть черти.

Я покинула базарчик и у скучающей продавщицы в магазине через дорогу спросила, —
А где у вас пруд?

До пруда оказалось примерно с километр ходьбы по тихой улице заросшей пыльной лебедой и ромашками. На поросшем камышами пруду плавала стайка диких уток. В целом место было достаточно уединенное.

Слева от пруда стоял почерневший бревенчатый дом, около дома красный Форд. Я вернулась к своей Волге, проехала мимо пруда, встала поодаль за ивами, спустившими ветви до земли.

С тетрадью и карандашом присела на берегу, делая набросок.

Из дома вышли два крупных цыгана оживленно жестикулируя, с ними две цыганки, погрузились в красный Форд Фокус и уехали. Я подождала пятнадцать минут. Вышла девушка и отправилась пешком по направлению к базарчику. Больше никто не показался.

Но я и не могла уже ждать. Отбросив тетрадь, решительно двинулась к дому, толкнула дверь, вошла и тут же споткнулась о ведро на полу, которое со звоном упало. Выглянула плотно сбитая цыганка лет пятидесяти, видимо хозяйка, громко рывкнув подбоченившись:

— Ты кто такая? Чего приперлась? Тебя кто звал?

Я шла прямо на нее, готовая убивать.

Она толкнула меня увесистым животом, я схватила ее и мы сцепились в драке. Мы упали на пол и катались по полу, она была мощней и сильнее меня. Навалившись всем телом, она ударила меня кулаком в нос. В глазах брызнули звезды, и боль пронзила меня.

Я нашарила, что то рядом и этим что то ткнула прямо в нависшую надо мной жирную физиономию.

Моим оружием оказался железный совок, которым выгребают золу из печей.

Цыганка взвыла, а я оттолкнув ее, вылезла, мстительно пнула и помчалась по комнатам. Все помещения выглядели одинаково, как временный ночлег с неубранными постелями на полу и ворохами разноцветных одеял.

Одна комната была заперта на щеколду снаружи, я с бьющимся о ребра сердцем ворвалась внутрь.

В пустой комнате с обшарпанными стенами на грязной подстилке под тряпкой лежала изможденная моя несчастная Юлька. Я даже не сразу узнала ее, сначала показалось пластмассовая кукла... потом..

Нет! Не может быть! Господи!

На единственном предмете мебелировки, колченогой табуретке стояла миска и просыпанный белый порошок.

Юлечка!

Я наклонилась. Она почувствовав движение рядом, тихонько захныкала. Худенькая ножка в веревочной петле, сама веревка привязана к отопительной чугунной батарее. Под веревкой красная стертая до язв кожа.

Я достала нож и вдруг уловила шаги, отскочив, встала у двери.

Хозяйка бешено влетела красная, растрепанная, с раной поперек лица, держа в руках большой мясницкий нож.

Я успела первой, мой нож вошел в жирное тело по рукоятку. Она издала хлюпающий звук и замерла на полу. Из под тела лениво растекалась в разные стороны кровавая лужа.

Я выдернула свой нож из трупа врага, сказав напоследок с чувством:

— Тварь!

Разрезала петлю на ножке моей девочки.

Обтерла и спрятала свое оружие.

Подняв обнаженную невесомую Юльку на руки, давя рвущийся крик, выскочила прочь из чумного дома.

Добежав до машины, я уложила Юльку на заднее сидение и рванула прочь из Круглово,

В Нижнеярске не вернусь, меня там больше ничего не держит, я решила пробраться к федеральной трассе, которая вела к Тамбову.

Да, Тамбов! Там живет старшая сестра моего папы Татьяна Борисова, вдова. Я ее никогда не видела. кроме как на фотографиях, но теперь Тамбов это единственное место, где может быть нас примут.

Я выехала из Круглово и через несколько километров уйдя с дороги спряталась за небольшим леском. Подняла ребенка на руки, усадила на коленях и стала вливать ей по капле яблочный сок. Сухие детские губки поймали капельки, Юлька открыла затуманенные глаза, посмотрела на меня без всякого выражения и закрыла их опять. Я поила мое дитя и плакала.

От всего. От того что она вернулась ко мне, спасибо Саша. Почему Саша? Я не знала, вырвалось само. От того что она жива.

Юлечка моя деточка.

Я закутала истощенное грязное тельце в дедов шерстяной плед, которым по ночам укрывалась сама. Откинула переднее сиденье положила ее рядом с собой.

Вспомнила про телефон круглолицей цыганки, на нем уже было пропущенных десять звонков. На последний звонок послала текст из одного слова “Понтонный” и отключилась.

Я уже собралась выехать на дорогу, как увидела знакомый красный Форд Фокус тот самый, что из цыганского двора в Круглово. Он пронесся на огромной скорости к Нижнеярску. “Зашевелились сволочи”, усмехнулась я и подождав немного, выехала в противоположном направлении к федеральной трассе.

Я со злорадством представляла их физиономии, когда увидели труп хозяйки и пустую подстилку.

Телефон я обтерла влажной салфеткой и на ходу швырнула в проносившиеся мимо кусты.

Я ехала, пела детские песни и рассказывала сказки, чтобы не заорать от перенапряжения.

Дед плачет, баба плачет, а курочка ряба кудахчет:

Бросив взгляд на Юльку, я увидела, что она исподлобья косится на меня.

“Она меня забыла”, горько заплакал тоненький голосок в моей душе.

Проглотив ком, я продолжила рассказывать сказку, высматривая боковую дорогу с трассы

Я съехала у поворота на деревню Дубки. Мне понравилось название, да и пустынная дорога производила приятное впечатление, хотя была обсажена не дубами, а высокими тополями.

Достав влажные салфетки, осторожно прикоснулась к Юлькиной исхудавшей ручке. Она закрыла глаза и губы искривились в ожидании боли.

— Юлечка, я мама твоя. Я так долго искала тебя, — говорила я ей, обливаясь слезами и обтирая своего бедного ребенка.

— Юлечка, солнышко, ты теперь всегда будешь со мной.

Оттирался слой грязи и проявлялись синяки разного возраста от свежих темных, до желтых разводами.

Что же эти суки делали с моим ребенком.

Я напоила дочь теплым яблочным соком и мы двинулись снова в путь. Когда совсем стемнело, я решила остановиться на отдых в придорожной лесопосадке.

Я баюкала свою девочку на руках под ночными звездами и молилась, чтобы она пришла в себя.

Юлька не показывала никаких признаков, что узнает меня, но хоть не отталкивала, это уже было очень важно.

Весь следующий день мы ехали. Я выгребла всю мелочь и потратила последние деньги на бензин. Еды у нас не было, я поила Юльку только водой, обещая ей самые вкусные конфеты, мандарины и шоколадки. Она молча слушала меня, а ее осунувшееся личико не выражало никаких эмоций.

В Тамбов мы попали к вечеру. Я из багажника достала записную книжку деда с адресом Татьяны Борисовой в девичестве Кушкиной и атлас дорог России.

На последних каплях бензина мы доехали до трехэтажного кирпичного дома довоенной постройки на окраине. Я медленно поднялась на третий этаж, держа Юльку на руках, позвонила в дверь,

— Кто там? раздался голос.

— Тетя Таня, это я Алена Кушкина дочь Николая.

— Алена? удивленно спросили за дверью.

Задвигались замки и высокая худощавая женщина с короткой стрижкой темных волос и с папиными глазами, одетая в бордовый флисовый халат вопросительно уставилась на меня.

— Здравствуйте тетя Таня, — сказала я женщине с такими родными глазами — Мой папа Николай Кушкин, умер, я осталась одна. А это моя дочка Юля. Можно зайти?

Через пять минут я сидела за столом и поила дочку молоком, а потом, когда она уснула, прижимала ее к себе и наотрез отказываясь положить на кровать.

Я тряслась и рыдала.

Тетя Таня налила мне и себе коньяка в граненые рюмки, придвинула ко мне тарелку с ветчиной. Я выпила залпом и стала рассказывать, видя как расширяются глаза тети Тани.

Я ела все, что тетя Таня поставила на стол: холодную картошку, малосольные огурцы, ветчину, всхлипывала, рассказывала опять. Снова ела, плакала, потом откладывала вилку и продолжала рассказывать.

Папины глаза напротив грели мне душу.

Конечно я опустила в своем рассказе многое. Оставила самое главное. Отец погиб, дочь была похищена, я отдала две квартиры, самостоятельно нашла ее и теперь нам некуда бежать.

— Оставайся у меня Алена, решительно ответила тетя Таня. Я одна живу, да не плачь ты, давай тебе ванну наберу, помоешь девочку.

Когда я бережно опустила свою дочку в ванну, она закричала тоненьким голосом. Но я с ней говорила нежно, как только могла и мылила ее не мочалкой а собственной рукой, боясь повредить кожу, и она мне наверное поверила.

Юлька после мытья уснула крепко, а я не могла успокоиться. Мой организм требовал бежать, мстить и не хотел понять что все уже кончено.

* * *

Юльку обследовали у врачей в том числе и гинеколога, к счастью она не была изнасилована, хотя физические издевательства нанесли ей большую травму. Видимо ее держали до особых распоряжений. Я даже боюсь подумать, что ей было уготовано мучителями.

На третий день пребывания у тети Тани, когда я обняв малышку сидела и рассказывала, как она ловила кузнечиков, Юлька прошептала “мама”. Я замерла, а потом оказалось, что слез у меня очень много, просто больше не бывает.

Мы стали посещать детского психолога и Юля постепенно стала восстанавливаться и произносить некоторые слова.

В Нижнеярске я больше не вернусь, для них всех я умерла. Я привезла с собой в багажнике

все свои личные вещи и документы: паспорт, свой школьный аттестат, диплом из художки, Юлькино свидетельство о рождении.

В Тамбове у меня даже нашлась работа учительницей рисования в интернате для детей сирот. Хотя зарплата мизерная, но мне понравилось работать с детьми.

Иногда я привожу туда Юльку, в окружении других детей она расцветает, улыбается и моментально заводит подруг, хотя говорит пока плохо.

Тетя Таня водит дочку на плавание и и в детский театр, они сдружились и мне порой кажется, что Юлька больше тянется к тете, а не ко мне.

Я вспоминаю мою лесную землянку так щедро подаренную Саней, как будто он все предугадал.

В душе конечно понимаю, что ее обнаружат в любой момент, может найдет лесник или случайные грибники. Там ничего ценного не осталось, кроме нескольких банок консервов с распродажи да пластмассовой мебели, но это было единственное убежище, которое у меня не отобрали люди.

В настоящем, я учу детей в тамбовском интернате штриховать тени и полутени, а сама все чаще думаю скопить денег и построить где нибудь в брошенной деревне надежный дом с бетонным подвалом для припасов и оружия.

Я чувствую, что нынешняя тишина и беспечность мне даны только как передышка. Крысы всегда в поиске поживы, они меня найдут, не эти так другие.

Василий кажется был сын поселкового барона, да и в доме сторело большое количество наркотиков. Что если кто то уже вышел на мой след?

Тетя Таня иногда странно на меня посматривает, и часто заводит разговор, что девочке жизнь отшельника ни к чему, ей нужно учиться в школе среди сверстников, потом получать высшее образование, выходить замуж. А мне надо отдохнуть, подлечить нервы в санатории.

Я улыбаюсь наивной тете, я с ней не буду спорить, но знаю, что в крепком доме с надежным оружием ни меня, ни моего ребенка, они не получат.

Отдельно взятая жизнь

Я смотрела из окна на облетевшие клены, холодный асфальт припорошенный снегом, почерневший от городской грязи лед в лужах и прочие приметы наступившей зимы. Горожане одетые преимущественно в темные расцветки курток и пуховиков, спешили по делам, выпуская облачки пара.

Я провожала их взглядом, наслаждаясь тем, что я не в этой суровой толпе, мороз не жжет мои щеки и мне на работу сегодня только к 10:15 утра.

Не спеша отхлебывая горячий черный кофе из белой чашки, я разглядывала из за тюлевой занавески начало трудового декабрьского утра в Тамбове.

Подумать только, прошло целых пять лет, с момента когда я неожиданно нежданно негаданно ввалилась с изможденной Юлькой на руках к тете Тане.

Мы так и прижились у папиной сестры и отлично существовали вместе в трехкомнатной квартире, расположенной в старом доме довоенной постройки на окраине Тамбова.

Я отпаивала мою дочь бульонами, соками и йогуртами, делала для нее всевозможные пюре, бережно массажировала маленькое тельце. Моя драгоценная Юлька прошла длительную психологическую и физическую реабилитацию, получила море любви и ласки от меня и тети Тани и в школу она уже пошла, уверенной в себе веселой девочкой какой и была от рождения.

Благодаря нашим с тетей совместным стараниям, Юлька занимается плаванием, танцами, а так же с удовольствием участвует в постановках детского театра, благо что спортивный клуб и театр находятся совсем недалеко от школы. Белые волосики сменились на шатен и моя Юлька теперь напоминала мне собственные детские фотографии.

Папина сестра в этом году вышла на пенсию, мы отпраздновали ее свободу в одном из лучших ресторанов Тамбова.

В конце ужина пьяненькая тетя захотела петь, но смогла осуществить свое желание только на улице, исполнив с чувством песню про “Один раз в год саду цветут.”

На юбилей я ей подарила отличный ноутбук и показала, как зарегистрироваться ВКонтакте. Моя тетя освоившись, немедленно разыскала всех своих друзей детства и с головой ушла в разговоры, виртуальные подарки, лайканье афоризмов, котов и рецептов.

Сама же я после всех потрясений долго приходила в себя. Мне очень помогли занятия бегом, до полного изнеможения я убегала от своих воспоминаний, а возвращаясь домой, сдирала многократно пропотевшую майку, принимала душ и засыпала как убитая. После таких занятий, призраки прошлого все меньше тревожили меня и однажды я поздравила себя, что обошлась без антидепрессантов.

Воспоминания и сейчас приходят, но не чаще чем раз в месяц. Тогда я лежу с открытыми глазами и думаю, как можно было предупредить смерти дорогих мне людей.

Я по прежнему работаю учителем рисования в тамбовском интернате для детей сирот, а еще пишу картины маслом и акрилом под псевдонимом А Куш.

Я допила кофе и отошла от окна. Итак, в это утро я одна, тетя Таня с утра отправилась в клинику, а по дороге проводила Юльку в школу. Моя любимая тетя на пенсии набрала псевдонародной макулатуры и стала рьяно заботиться о собственном здоровье, рассуждая,

что тело храм и негоже в храм мусор носить. Я молчу и не указываю, как этот храм точит картофельные чипсы по вечерам.

Мне пора на занятия.

Я бросила взгляд в зеркало. Шатенка с серыми широко расставленными глазами, короткая слегка лохматая стрижка волос, небольшой вздернутый нос, твердая линия подбородка.

Надела бежевый удлиненный свитер, коричневые мягкие брюки, сверху черный пуховик купленный со скидкой, на голову серую самовязаную шапочку, на шею такой же серый шарф. Я выгляжу как один невыразительный пиксель в терабайтной толпе, но мне глубоко плевать. Если реально смотреть на вещи, я и есть мизерная точка на пестрой картине бытия.

На допотопной Волге я рулила по улицам зимнего Тамбова по направлению к интернату. Сегодня легкий день, веду только четыре класса, а значит после уроков смогу заскочить в магазин стройматериалов, с недавнего времени мое любимое место прогулок.

Прошлым летом я взяла кредит и исполнила свою заветную мечту: купила за бесценок старый дом в сорока километров от Тамбова, в брошенной деревне.

Дом я выбрала маленький с провалившейся крышей и совсем негодный для жилья, но зато с большим участком в двадцать соток. Глядя на заросли лебеды и крапивы, я сразу представила на этом участке усыпанные темно-красными плодами вишневые деревья, и счастливую Юльку на качелях.

За умеренную плату мне его снесли и бригада строителей возвела одноэтажный дом из красного кирпича. Внутри дома не было отделки, так как в целях экономии я решила отделывать сама. Ипотека сжирала все мои деньги и я обучалась по интернету какие материалы надо закупать, смотрела видеоролики, как отделывать помещения и планировала летом плотно заняться работой.

Юлька росла и занимала все больше пространства в тетиной квартире, а тут у нее будет целый отдельный зал для занятий танцами с большим зеркалом и станком. А у меня отдельная комната для живописи, мечтала я.

Теперь мне надо много работать, наверное всю жизнь, чтобы оплатить ипотеку. Но я трачу на себя мало, я не покупаю модные вещи, у меня даже нет ни одной пары дорогой обуви на каблуке.

Весь мой гардероб может уместиться в один чемодан и состоит из практичных и спортивных вещей. Другое дело Юлька, я не жалею на нее ничего.

Я подъехала к интернату и выключила двигатель.

В холле ставили огромную елку пахнущую лесом, в учительской стояла особенная предпраздничная суматоха, целый угол был завален коробками с подарками и серебристой елочной мишурой. Одни преподаватели просматривали журналы, готовясь к окончанию учебного года, другие собирались на урок, те у которых было окно между классами, болтали о предстоящих каникулах.

Забегала в учительскую румяная с мороза завхоз интерната, найдя меня глазами, весело окликнула:

— Аленочка Николаевна, переставь свой лимузин пожалуйста, нам подарки от фирмы привезли. Разгружать сейчас будут.

Хорошо, Надежда Андреевна, — отозвалась я и вышла на крыльцо,

Тентованная синяя Газель собиралась развернуться и моя Волга действительно мешала.

Я подошла к своему “лимузину” как выразилась завхоз, завела и переехала на парковочное место подальше. Тут я точно никому не помешаю.

Газель тем временем встала задним бортом к крыльцу. Двое крепких мужчин откинули борт и стали разгружать ее, а третий, пепельный блондин лет тридцати приблизился ко мне

— Вы извините, что побеспокоили, произнес он глядя мне в лицо и широко улыбаясь. Внешне он выглядел вполне приятно. Высокий, симпатичный, а какие яркие зеленые глаза.

— Да ничего страшного, — улыбнулась, я невольно заражаясь его настроением.

— Мы тут детишкам привезли кое что к Новому Году, — сказал мужчина.

— Спасибо, — ответила я не отрывая от него взгляда.

— А как вас зовут?

— Алена, — почему то смущенно представилась я блондину.

— Алена? Аленушка! А я Иван. Иванушка. Вам не кажется наши имена рядом звучат особенно? Сестрица Аленушка и братец Иванушка.

Мы засмеялись.

— Да, я помню, в сказке братец Иванушка козленком стал.

— Это потому, что он пил из каждого копытца. А я Иванушка непьющий и очень положительный. А вы любите яблоки?

— Очень люблю. — честно сказала я.

Вышла завхоз на крыльцо и сложив руки рупором закричала

— Иван Васильевич подойдите пожалуйста!

Иван извинился и поспешил, я видела, как он отдал завхозу бумаги.

Борт был уже открыт, мужчины сгружали ящики и ставили на платформу для перевозки грузов.

Когда я уже взялась за ручку двери, вдруг услышала:

— Аленушка! — Иван приблизился и протянул огромное желтое яблоко с красным боком.

Я зашла в класс с расплывшейся физиономией. Мне почему то хотелось улыбаться и прыгать до потолка.

— Уууу какое яблоко — загалдели дети.

Волевым усилием я стерла улыбку и сказала:

— Сегодня будем рисовать это замечательное яблоко. Кто скажет, какой участок на нем освещен? Где лежит тень?

Поднялись руки и урок начался.

Когда я закончила класс и зашла в учительскую услышала:

— Алена Николаевна, а это оставил наш благотворитель, таакой симпатяга— пропела преподаватель физкультуры.

На столе стоял пакет с отборными желтыми подернутыми красным яблоками, а в нем визитная карточка где черным шрифтом было напечатано “Иван Васильевич Каргополов. Оргтехника с доставкой”

С яблоками и совершенно разгильдяйским настроением я ехала домой поминутно улыбаясь. В салоне стоял сладкий запах, как в августовском саду.

Юлька уже была дома и под музыку делала растяжки на коврик для йоги, я сунула ей яблоки под нос.

Ой какие красивые! завопила она, подскочила и схватив яблоко помчалась мыть.

Я тоже помыла яблоко, положила на чайное блюдо вместе с ножом и понесла тете Тане. Она с кем то приглушенно разговаривала по телефону, оживленно жестикулируя. Увидев меня, тетя сделала жест “не мешай” и вышла на балкон, продолжая беседовать.

Я положила яблоко около ее открытого ноутбука и замерла, увидев текст:

“Я мечтаю о тебе каждую ночь, ты мое солнце и луна, нет никого прекрасней.

Я готов умереть в твоих объятиях от любви. Селим.”

Ну нифига себе.

Вот это да.

Я вышла на кухню, на душе заскребло.

Что еще за Селим? Я вспомнила шаурму киоск, где постоянно толклись какие то небритые личности, может он оттуда? Да нет, отмахнулась я, тетя Таня интеллигентная женщина. Предположим, Селим такого же пенсионного возраста и долго живет здесь, имеет спокойный характер, она вон сколько лет вдовует, может и ничего?

Надо с тетей Таней поговорить, вразумить что ли. Да ну, ерунда, мало ли, кто как пишет.

"Спокойно" сказала я себе, "тетя Таня взрослый разумный человек, она вышла на пенсию, гормоны на нуле, она не будет делать глупостей."

В этот момент тетя Таня вышла с накрашенными губами и в своей самой лучшей замшевой юбке, произнеся:

— Я приду через два часа.

Зашуршало пальто в прихожей, застегнулись сапоги.

Дверь стукнула, я кинулась к окну и увидела, как тетя подходит к белому автомобилю и садится в него.

Я не выдержав, открыла собственный лаптоп. Нашла ВКонтакте страницу тети Тани

Оказалось, она загрузила много селфи в последнее время. Тетя Таня в обнимку с кленом на улице, в гостиной на диване с загадочной улыбкой, тетя Таня лежит на кровати разметав волосы, снимая себя сверху.

Я кликнула на лайкающих ее. От фотографии к фотографии ее упорно лайкал молодой человек в расстегнутой до пупа белой рубашке.

Я зашла на страницу этого парня. Селим Алимов, с черными бакенбардами двадцати восьми лет. Селим красовался в белых рубашках и без, показывая натертое маслом смуглое

тело, в дорогом автомобиле, на фоне пляжа, в ресторане с пальцами вверх. Но тете пошел пятьдесят шестой год, зачем ей этот парень? Зачем она ему?

В растерянности я залезла на общеизвестный форум задать вопрос, что делать если родственница встречается с мужчиной намного моложе? На меня тут же обрушился вал возмущения: как я смею лезть в чужую частную жизнь, займись собой, поделай маски, найди мужика.

Я читала ответы, язвительные, или пространные они были практически единогласны. Приводились примеры, как люди счастливо живут с большой разницей лет.

Я заколебалась, вон что люди говорят, все-таки коллективный опыт и тетя Таня взрослый человек.

С облегчением я закрыла лаптоп и отправилась к Юльке, поболтать о ее будущем выступлении.

Глава 18

Приближались новогодние каникулы, Юлька в составе труппы детского театра отправлялась на гастроли по районам тамбовской области с музыкальной пьесой "Муха Цокотуха". У нее было целых две роли: Блошка и Козявка. В качестве Блошки, Юлька несла красный сапог из папье-маше главной героине Мухе, а в качестве Козявки с энтузиазмом танцевала на заднем плане. Юльку нимало не смущало отсутствие главных ролей.

— Ты звони мне каждый день, Юльчонок-бельчонок— с нежностью произнесла я обнимаемая дочь.

— Ладно, мам— отозвалась Юлька нехотя отрываясь от чата с подружками.

Мы, родители юных актеров в складчину отправляли несколько родителей для присмотра за детьми. Мы договорились, что каждое утро будет отчет рассылка про выступления, здоровье, качество еды и прочее, что вечно волнует родителей.

Тетя Таня вернулась поздно вечером, когда я уже намазанная кремом, ложилась в постель. Я попыталась поговорить с ней, но она сразу ушла в спальню, оставив за собой шлейф духов.

Пришел и тихо прошел Новый Год, который я отпраздновала в кругу семьи из меня и Юльки. Мы с дочерью наготовили и наелись всевозможных салатов, посмотрели телевизор и легли спать не дожидаясь полуночи. Тети Тани не было дома впервые за пять лет нашей совместной жизни.

Первого января подъехал автобус, из окон которого выглядывали рожицы детской труппы. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, как квочка от которой убежал цыпленок, пока дочку приветствовал веселый гам. Юлька погрузилась и уехала, а я махала руками и чувствовала, что моя дочь неизбежно растет.

Вот она, лучшее что я создала, уехала от меня, а однажды уедет насовсем и будет жить своей жизнью, думала я вернувшись в квартиру.

В прихожей раздались шаги, зашла тетя Таня, сняла пальто и прошла в ванную вымыть руки. Я бросилась варить кофе, рассчитывая на дружескую беседу.

Теть Тань, у тебя поклонник появился? завела я на кухне разговор, налив нам приятно пахнущий кофе.

— Ну возможно, — неопределенно ответила тетя Таня.

— А кто он?

Тетя Таня враждебно посмотрела на меня и отрезала:

— Это мое личное дело, Алена.

— Извини, растерянно ответила я и сказала себе "успокойся, это не твое дело, она права."

А тетя Таня сидя на табурете и обхватив худощавое колено, продолжала меня хлестать:

— Алена, когда я тебя приняла с Юлей у тебя было безвыходное положение, но мне кажется ты слишком задержалась. в гостях.

Ее слова меня ударили как током.

Я вдохнула воздух стараясь осмыслить. Она меня гонит? Единственный родной человек! "Нет, единственный родной человек у тебя Юлька", поправил внутренний голос. Но куда я пойду среди зимы?

— Тетя Таня, — дрожащим голосом заговорила я, — ты знаешь, что я строю дом за

городом, я уйду туда летом. Позволь Юльке закончить школу, и не дергать ее с места. Всего лишь полгода и я обещаю больше не потревожить тебя.

Но тетю Таню несло:

— Мне надоело, в собственной квартире у меня нет места для отдыха, вечно занятая ванная, бесконечные постирушки. Я на пенсии и хочу наконец жить так, как мне хочется и нравится. Я выполнила свой долг по отношению к Николаю, приютила его дочь, этого более чем достаточно. Я даю тебе месяц на поиски съемной квартиры и это не обсуждается.

Тетя Таня поднялась с табурета и вышла из кухни. На столе осталась чашка нетронутого кофе.

Я сжала виски, говоря себе “все нормально Алена, все хорошо. Тебе нужно снять на полгода, всего полгода. Эй, ты жила в землянке, можно снять и однушку, какнибудь доживем до лета”. Но вставали проклятые вопросы снять однушку и чтобы Юльке было комфортно, и от школы не далеко и чтобы недорого.

Я проворочалась всю ночь без сна обдумывая произошедшее.

Наши отношения с папиной сестрой разом остыли, она явственно тяготилась моим присутствием. Когда я заходила на кухню, тетя демонстративно выходила, глядя перед собой. Исчезала в спальню, если я пыталась завести разговор и я заканчивала фразу уже перед закрытой дверью. Тетя не ела то, что я приготовила, даже ее любимые прежде драники. Словом, всем своим видом давала понять: пожили, пора и честь знать. Ситуация становилась все более накаленной и я решила ее разрядить своим отсутствием.

— Я поеду к Юльке, чтонибудь передать? — крикнула я в спальню. Оттуда не донеслось ни звука.

Я сделала еще попытку:

— Тетя Таня, я вернусь через два дня, и буду подыскивать место, извини если обидела чем. Я тебя люблю.

Но ответа я так и не получила.

Собралась и вышла в тишине.

Я смахнула снег с моей Волги, села в нее, прогрела двигатель и поехала в райцентр, где выступает моя любимая Блошка и Козявка, думая, что как хорошо, что мой дом уже построен, летом можно поселиться. Я буду штукатурить стены и ездить на работу, хотя дорога почти 40 километров в одну сторону, но если я буду активней продвигать свои картины, то может работать смогу меньше.

Буду Юльку возить в школу, на кружки, сама заниматься творчеством, а вечером дружно возвращаться в наш дом, где будет нас встречать веселый лохматый пес.

А может еще кто построится рядом и не будет деревня брошенной больше а у Юльки появится компания.

В мечтах я доехала до райцентра.

Мне повезло, в единственной гостинице забитой трупной театра оставалось только одно койко-место и вскоре я уже обнимала Юльку, угощала ее привезенными мандаринами, а вечером хлопала в зрительном зале, глядя как она бойко пляшет на заднем плане в образе Козявки с усами. Веселая атмосфера детского театра передалась и мне и я от души радовалась успеху юных актеров. Через два дня, позавтракав с Юлькой омлетом и кофе в гостинице, я поцеловала ее и со спокойной душой отбыла домой.

По дороге я составляла примирительный диалог, я скажу "тетя Таня, спасибо, что приютила нас, я всегда с благодарностью буду помнить твое добро" Мне казалось, что тетя

улыбнется и все будет как прежде.

Подъехав к дому и предвкушая отличную горячую ванную, после слабенького гостиничного душа я в отличном настроении поднялась к квартире. Ключ не провернулся в двери, я толкнула и открыла незапертую дверь. В нос ударил неприятный запах.

Я не верила своим глазам, передо мной был просто жуткий бардак, высыпанная мука и сахар из банок, брошенные везде съестные припасы, вываленные продукты из холодильника, груды вещей из шкафов, исчез мой лаптоп, Юлькин планшет, даже Юлькина копилка разбита на мелкие осколки. Сердце стукнуло, сжалось и опустилось вниз. Я осторожно открыла дверь в спальню тети.

На розовых атласных простынях лежала тетя Таня в сексуальном красном корсете с черной оборкой и в одном черном чулке на сухой ноге, другой был затянут вокруг шеи. Мертвое синее лицо с глазами вылезшими из орбиты и широко разинутым ртом было обращено ко мне.

— Нееееет!

Я согнулась и гостиничный завтрак вылетел из моего желудка. Я не помнила, как оказалась на кухне и переступая через кучи продуктов, позвонила в полицию.

Квартира наполнилась людьми в форме и гражданском, говорили по рации, замеряли, фотографировали, рассуждали, а я сидела в оцепенении. Мне задавали вопросы, уточняли, что пропало и другие, а я не помнила даже ответов. Потом тело увезли, а я пошла в Юлькину комнату, почему то залезла под ее кровать и там уснула.

Утром я сидела на допросах, где меня доводили до слез, пытаюсь повесить на меня мотив убийства за квартиру. Смерть произошла два дня назад, в тот день когда я уехала. Мое алиби к счастью подтвердили родители, сопровождающие детскую трупку и соседи подтвердили, что видели, как Тетя Таня вечером поднималась с молодым брюнетом в квартиру.

Следователь задавал вопросы про тетины контакты, я ему рассказала про Селима. Открыли ВКонтакте, но страница Селима бесследно исчезла.

— Ну и где его искать этого Селима Алимова? Да и не факт что это его настоящая фамилия. рассуждал следователь- Оттуда, как с Дону выдачи не дождешься формально, не отказывают, но и не рвутся помогать.

И неожиданно ткнул шариковой ручкой в мою сторону.

— Вы почему родственнице не запретили с ним общаться?

— Как я могла, это же личная жизнь, она взрослый человек с характером и не мое это дело. Да и обиделась она на меня, — оправдывалась я.

Следователь встал со стула и заходил по комнате. Сел, сцепил руки замком:

— Проблема нынешнего общества, Алена Николаевна, в том что, оно натягивает старые правила порядочности на новые реалии.

Личная жизнь могла быть у барышни или у одинокой женщины в прошлом, когда все женихи известны в лицо и наперечет. Все знали, с кем у барышни личная жизнь происходит и чего примерно можно ожидать. А сейчас, на одну такую одинокую гражданку находится стая волков. Убийцы, маньяки, аферисты, они все рыщут в Интернете в поисках наивных овец, отрабатывают психотехники и преследуют собственные цели.

— Зачем волки ищут овец? — вперился в меня следователь.

— Чтобы съесть.

— Совершенно верно— согласился мой собеседник— Поэтому если считаете, что что то подозрительно, оно подозрительно. Проверять. Всех одиноких членов семьи, особенно у кого много свободного времени. Куда ходят, да с кем говорит, если есть сомнения, имеет смысл и шпионскую программу поставить, — рубил следователь.

Я с крайним изумлением смотрела на него, не зная что сказать.

Он замялся, но добавил

— Это мое личное мнение, Алена Николаевна, я сейчас говорю не официально.

И со вздохом — у знакомых мальчик с блестящими способностями в математике, с крыши шагнул под воздействием какой то группы из интернета. А в советское время ему эта дурь бы в голову не пришла, потому что не было таких друзей рядом.

Следователь замолчал, посмотрел на часы и произнес:

— До свидания Алена Николаевна, извините что наговорил лишнего.

Я чистила квартиру. Нацепив респиратор, надев резиновые перчатки, сгребала все в полиэтиленовые мешки и выносила. Вынесла постель, на которой была задушена несчастная тетя Таня. На свое смертное ложе она постелила дорогие атласные простыни. Эх тетя, тетя.

Завещания о способе похорон тетя не оставила и явыбрала кремацию. Я считала, что кремация самый чистый способ утилизации останков. Похоронных обрядов проводить все равно было не для кого, у тети Тани кроме нас родственников не осталось. Юльке я не стала сообщать, решила пусть дочь узнает, когда все будет кончено.

После похорон я почувствовала, что мне надо сбежать куда нибудь на природу, залечить сердце и я решила навестить свой дом в деревне.

В моем кирпичном доме было холодно, по стенам красивыми кристаллами висела изморозь. Строители прошлым летом построило печь, но батареи не были проведены. Зато можно ночевать прямо там где печка. Я поздравила себя, что летом по дешевке купила две тонны угля, принесла уголь в пластмассовом ведре, щепки и развела огонь. Я глядела на пляшущее пламя в топке и ни о чем не думала, странным образом оно меня успокаивало.

В комнате заметно потеплело. Я поставила чайник на плиту, скинула пуховик, оставшись в свитере, достала альбом и стала рисовать усевшись на табурет. Я воспроизводила по памяти увиденную мной живописную композицию из молодых елок на пригорке.

В обед съездила на заправку, которая стояла как раз у поворота к нашей деревне.

У продавщицы Тони я столкнулась с фермерской парой Артемьичом и его женой Таисией Петровной.

— Алена! — обрадовалась добродушная Таисия. Она обхватила меня руками. — Я прям соскучилась по тебе, ты заходи к нам в гости, мы сейчас в Тамбов, а вечером дома будем.

— Здравствуйте Таисия Петровна, здравствуйте Артемьич, рада вас видеть, сегодня не могу, но завтра зайду обязательно, — отозвалась я воодушевленно.

Я любила бывать в гостях у этой пожилой пары. Они мне напоминали старосветских помещиков своим нежным отношением друг к другу и истинно русским гостеприимством. Я всегда уходила от них с набитым как барабан животом, а Таисия Петровна вручала мне на дорожку и сверток с горячими пирожками из опарного теста.

У Тони я купила две бутылки лимонада, полбулки серого хлеба и плавленый сыр, похвалила ее прическу и вернулась обратно. Дело шло, мой пейзаж становился все глубже и объемней, и я была довольна результатами, хотя пару раз пришлось переделывать собственные огрехи.

Незаметно сгустились ранние синие сумерки и я решила поужинать. Я сделала бутерброды из сыра и хлеба, и в это время раздался звонок:

— Мама, это я! У меня все хорошо! Мам, мы уже успели выступить в другом месте, ели сосиски с пюре, пили компот и теперь отдыхаем в местной гостинице. Мам, нам так хлопало! — возбужденно делилась впечатлениями дочь.

Мы поболтали с полчаса и когда попрощались, я решила что пора и отдохнуть. Подкинула в печь больше угля, расстелила мой походный спальный мешок и с нежностью осмотрела собственное творение.

На пригорке расчерченном теньями группа елей склоненные под снегом друг к другу, образовывала арку как сказочный портал в другой мир. в портале угадывался одинокий кустик. "Молодец" похвалила я себя.

Раздался новый звонок, я в уверенности, что это опять Юлька поднесла телефон к уху, но услышала хриплый голос Артемьича:

— Дочка, беда у меня, приезжай скорей!

Я выскочила, завела Волгу, подъехала к фермерской усадьбе, ворота стояли открытыми настежь. Во дворе стояла хозяйская Лада

Артемьич обхватив голову руками плакал, сидя на крыльце.

— Ты посмотри Алена, что эти нелюди сделали.

По всей ограде усадьбы бесформенными комкам цветных перьев валялись убитые куры. Четверо взрослых свиней и штук шесть поросят окоченели с поджатыми ногами в бурых уже замерзших лужах.

— А овечек пять штук всех забрали, хрипел Артемьич.

— Кто это сделал? — спросила я, в ужасе глядя на эту бойню.

— Не знаю дочка, мы только из города приехали с Таисией. Ох, беда неловка. Пойду проверю как она. — Артемьич тяжело поднялся, я поддержала его под руку и мы зашли в дом.

Таисия полусидела на металлической кровати с бессмысленным видом, левая часть лица опустилась и как бы стекла вниз, также отнялась левая рука.

— Тетя Тая, вы меня слышите? громко окликнула я ее. Таисия издала мычание, струйка слюны потекла из уголка рта в образовавшуюся ложбинку.

— Ой, Артемьич, миленький, срочно поехали, в больницу ее надо.

Фермер кинул под язык таблетку валидола и обреченно произнес:

— Дочка я не могу, руки ходуном ходят, сердце дрожит.

— Я довезу, Артемьич, — сказала я.

Мы загрузили дородную Таисию в мою Волгу и помчались в Тамбовскую больницу по зимней дороге.

Артемьич поддерживал свою подругу со здоровой стороны и ласково уговаривал:

— Ты потерпи Таечка, скоро приедем.

К счастью Таисию приняли сразу, мы сидели в унылом вестибюле с коричневыми стульями и ждали. У Таисии оказался инсульт, ее сразу направили в реанимацию. Я поглядывала на Артемьича и завидовала, несмотря на то что жена в угрожающем состоянии, он спал откинув голову на спинку стула. Я такой способностью не обладала, чтобы уснуть, мне нужно принять горизонтальное положение

Время томительно шло, наконец после двухчасового ожидания, к нам вышел молодой доктор в голубой униформе и сказал:

— Состояние пациентки стабильное, езжайте домой, завтра навестите.

Зевая, везла Артемьича обратно по ночной зимней трассе, фары выхватывали огни встречного транспорта, бегущего зайца, стаю бродячих собак, я слушала хриплый голос соседа:

— Ну надо тебе мясо, украл, плохо, но понять можно. Так, что ж ты фашист проклятый, живность то убиваешь чужую на потеху. Это ведь столько труда вложено в каждую курочку, в каждого поросенка. А они их ради потехи поубивали. Да что же за люди это?

— Это люди, — отозвалась я, не сводя усталых глаз с дороги, — Которые привыкли брать и не работать. Это бандиты, они грабежами живут и работающих не поймут.

Я привезла Артемьича к нему, он горячо поблагодарил меня.

Мы договорились, что утром я приеду помогу погрузить туши убитых свиней и вывезти в лес. Уже в полусне добралась до своего дома. В темном пространстве царило ласковое тепло от прогоревшей печи. Дом как будто приглашал меня "ложись спать хозяйка." Я содрала одежду, и упала прямо на расстеленный спальный мешок, утомленно разбросав руки и ноги.

Рано утром, и помогала фермеру грузить тяжелых свиней на тачку, везти в лесок, там долбить мерзлую землю и засыпать их землей. Мертвых кур он просто бросил в заиндеветые кусты, сказав мрачно

— Лисы подберут.

— Мы вернулись в дом к Артемьичу. Он заварил чай, достал паштет, сыр, домашний пышный хлеб, сам есть отказался.

— Не могу, кусок не лезет, от беда неловка. А ты кушай дочка.

Я вымыла руки, огляделась. На стене красовалась фотография бравого усатого моряка в черном бушлате, облокотившегося на борт судна.

— Это кто? спросила я.

— Это я на службе. Я ведь после службы остался на флоте и мичманом так и прослужил.

— А это Таечка моя. На соседней фотографии загадочно смотрела девушка со взбитыми уложенными волосами, только что из парикмахерской.

Мысли Артемьича пошли под другому направлению:

— А ведь мне дураку старому надо бога молить, что сам и Таисия живы. Могло случиться, что они бы нас тут и положили как этих поросят. И я вот что скажу, Алена, чует мое сердце, скоро они и тебя навелят. Тут твой да мой дома жилые только. Ты бы уезжала, дочка.

— Артемьич, у меня ремонт в доме, я уеду через два дня.

Не буду же я говорить, что не хочется возвращаться в квартиру где была убита тетя.

Мой дом даже неотделанный стал моим убежищем, мне хотелось жить и и обживать его, Наверное неприкаянный домовой, из брошенной деревни переселился ко мне и навевает эти мысли.

— Ну, дочка, в любое время звони, я всегда приду на помощь, — заключил фермер.

Мы с Артемьичем распрощались и я выехала с его двора. Хотела к дому, он так и манил меня, но передумав отправилась на заправку.

Тоня скучала одна, подперев щеку рукой.

— Тоня скажи у тебя, кто незнакомый останавливался вчера?

— Да тут все незнакомые, — засмеялась Тоня. — Ниссан заправлялась, семейные там были, Уазик был с гастарбайтерами пепси колу брали и чай. Камаз подъезжал, сигарет брали.

— Тоня, а Уазик какого цвета? — спросила я.

— Да какой там цвет грязно белый сто лет не мытый, — усмехнулась Тоня.

С новыми сведениями, бутылкой молока и шоколадкой я вернулась домой. Нельзя списывать со счетов, что бандитам вообще не нужно было заправляться, но очень кажется, что Уазик наследил, тем более свиней расстреляли. Местные бандиты бы продали или сами съели, а тут такая выборочность. Залетные грабители, которые свининой брезгуют.

Я размышляла, а сама оглядывала владения. Забор то я не поставила, а надо было. Просто дом стоит, а рядом моя Волга, как сигнал, что кто то живет. Одна без оружия я не продержусь. Да и интереса им нет у меня в голых стенах, где нечем пожить. Это крысы, к Артемьичу они вернутся обязательно, захотят денег вытрясти и поиздеваться над беззащитными фермерами.

Я откусила шоколад и решила позвонить:

— Артемьич, как ты смотришь, если я сейчас переберусь к тебе.

Фермер неожиданно согласился.

— И то правда, мне так тошно, стены давят, Тая в больнице, ох беда неловка. А ты хоть живой человек рядом.

Артемьич оказался очень сведущим в деле отделки и рассказывал в процессе чаепития, как он самостоятельно строил дома, когда списался на берег.

— Артемьич, — дождавшись когда он закончит, сказала я— Тоня видела на Уазике неместных гостей, мне кажется, они вернутся. У тебя оружие есть?

Артемьич весь как то подобрался, встал и исчез в чулане. Вернулся с мелкокалиберной винтовкой.

— Не думал что пригодится, — погладил он приклад.

— Ты бы ехала домой дочка, — фермер серьезно посмотрел на меня.

— Ничего, выкрутимся, — ответила я, как можно беззаботней— У тебя есть пустая бутылка?

В бутылку бензина накрошила пенопласта от упаковки, вспоминая Санины учения скрутила фитиль, подготовила спички.

— Ты где этому научилась дочка, — спросил фермер после молчания.

— В кино видела-, улыбнулась я.

Артемьич ничего более не сказал, занявшись винтовкой.

Мы оба думали одно и то же: Они могут приехать, а могут и нет, может и пронесет.

Не пронесло.

Уазик остановился вечером. Из него вылезло четверо черноволосых мужчин и

отправились во двор уверенно, как к себе домой. Оглядели мою ободранную Волгу посмеялись, один поразительно похожий на Селима, кирпичом разбил переднее стекло. Около Лады Артемьича постояли обсуждая, мне показалось, что она им понравилась. Я пригляделась и мой глаз художника меня не подвел, да ведь это и впрямь Селим. В темно синей теплой куртке нараспашку и в очень знакомом мне тетином кашемировом черном пуловере с вышитой эмблемой британского флага на груди.

— А ну убирайтесь! закричала я бандитам в приоткрытую дверь.

Они увидели меня и стали ржать. Действительно смешно, деревня пустая хоть оборись. Я заперла на засов, который был просто лом поперек двери и приготовила нож.

— Эй девушка, открой поговорить

Бандиты сначала стучали, потом принялись ломать дверь, дубовая дверь набранная из досок, треснула, но все еще держала.

Неожиданно они заговорили на непонятном языке и ушли.

— Неужели это все? удивилась я.

Оказалось не все, вскоре я увидела, как они тащат бревно к двери. Ах вот что, вы хотите вышибить дверь? Не дождетесь.

Глухие удары сотрясали сени, образовалась трещина в двери, тут же раздались выстрелы и куски стекла в небольшом деревянном окне разлетелись в стороны.

— Эй девушка, выходи не бойся!

Послышались удары топора, бандит ломал дверь, расширяя дыру.

Я метнула нож точно в его обросшее горло. Заливаясь розовой пузырящейся пеной, он осел на снег.

— Ты зачем так поступила, мы только поговорить хотели! — орали голоса

Артемьич что то бормотал.

Я прислушалась.

— Врагу не сдастся наш гордый Варяг, пощады никто не желает-пропевал, вернее проговаривал Артемьич как молитву, целясь из разбитого окна в бандита.

— Готов! рявкнул фермер.

Пуля ужалила его в левое предплечье и рукав залился красным. Я подскочила с полотенцем, но Артемьич зарычал на меня

— Отойди!

Запалил фитиль, подхватил здоровой рукой коктейль Молотова швырнул в их направлении и взревел:

— Где ждут желтолицые черти!

Вспышка и крик за окном показывали, что Артемьич достиг цели.

Он скомандовал:

— Принеси бегом водку полбутылки из желтой сумки.

Я принесла, разрешила набрякший кровью рукав

— Намочи полотенце и замотай.

К счастью на руке была сквозная рана, я замотала, Артемьич взыв от боли, страшно вращая глазами. А потом продолжил бормотать сквозь зубы:

— Волны морские прославят одни геройскую гибель Варяга.

И закончил неожиданно. Скрутив кукиш на здоровой руке, показал в окно:

— Вот вам мои овечки.

За окнами воцарилась тишина. Я осторожно выглянула, в сторону уазика волоча ногу, уползал Селим, поодаль валялось обгорелое тело, остальные лежали в неподвижных позах. Я была готова прострелить колесо Уазика из винтовки Артемьича, но никто не заводил автомобиль.

Набравшись терпения я ждала, наблюдая за расположением тел, мороз между тем усиливался, но о прежнему никто не шевелился.

Артемьич хлебнул водки, и прислонился к стене, устало закрыв глаза.

Я наконец отважилась и осторожно отодвинув засов с раскуроченной двери, вышла. Мороз сразу защипал нос, я осмотрела тела, двое в густой черной щетине, но совсем молодые.

"Денег хотели халявных и покуражиться над беззащитными жертвами да, парни?" Обгорелое тело я смотреть не стала и по кровавому следу осторожно последовала к Уазу, где лежал раненый мной Селим.

Умер?

Его глаза были устремлены в небо

Я наклонилась над ним, разглядывая своего личного врага.

Он резко схватил меня за за пуховик.

С силой, рожденной страхом, я вывернулась, оставив пуховик в его руках. Бандит рванулся за мной, но со стоном упал.

Мы глядели друг на друга с ненавистью.

Вот он, убийца моей тети.

— Зачем ты женщину убил, Селим? спросила я.

Он молчал.

— Можешь не отвечать, я и так знаю. Ты нацелился на квартиру, думал она живет одна, а узнав, что у нее есть родственники, увидев детские вещи, ты ее ограбил и убил.

Селим не произносил ни слова.

— Зачем фермера ограбил?

И не это не было ответа.

— Зачем животных убил?

— Отвези в больницу, — наконец разжал губы последний бандит.

— Не отвезу, — злорадно отозвалась я — Ты тут сдохнешь как пес. Поди и дети есть?

— Есть, — произнес Селим — два малчик и девочка.

— А они знают как папа деньги добывает или им все равно?

— Я больше не буду, клянусь, отвези.

— А ты и так не будешь, — рассмеялась я, глядя как холеное лицо искажает гримаса боли.

— Детей моих не жалко, да? спросил бандит?

— Не жалко, — ухмыльнулась я, поднялась и ушла. Мой пуховик, испачканный кровью так и осталась валяться рядом с умирающим Селимом.

— Артемьич дорогой, ты в рубашке родился, — говорила я, осматривая рану. Никакого покраснения, температуры или других признаков инфекции, ранение было чистое навывлет и он наотрез отказывался ехать к травматологу.

Артемьич мне отдал большой цвета хаки, но зато такой теплый ватник Таиси и я с удовольствием завернулась в него. Фермер обыскал карманы убитых, нашел деньги, разрешения на работу, паспорта, все были приезжие из среднеазиатской республики. Принеся добычу в помещение, выложил на стол и вопросительно посмотрел на меня.

— Возьми себе, Артемьич, хоть какая то компенсация за убитых животных.

— Вот что Алена, — решительно сказал Артемьич — про уборку не беспокойся, такое дело я возьму все на себя.

Однако, ночью я проснулась от рычания и лая. Пришла стая бродячих псов и изгрызла трупы. Я укрылась с головой, чтобы тошнотворные звуки не доносились до меня и тщетно старалась заснуть.

Утром Артемьич распугал их выстрелами, уложив крупную лохматую суку и остальные собаки разбежалась.

Он загрузил останки в Уазик в мешки. Я даже не выходила смотреть, да и Артемьич мне запретил.

Звонил куда то, мне сообщил, что связался со старыми друзьями, груз примут и Уазик.

Что ты им сказал Артемьич?

Что залетные гости между собой повздорили, а мне по следствиям таскаться здоровья нет.

— А ты не так прост Артемьич, — подумала я.

Я распрощалась с фермером, пообещав навестить Таисию и на своей Волге с разбитым передним стеклом отправилась в город. Пронзительно ледяной ветер свистел мне в лицо и несмотря на то, что ехала медленно и при включенной печке, я промерзла основательно. Поставила Волгу в ремонт, а сама долго отогревалась в кафе горячим супом, горячим чаем с рулетом и все тряслась от холода.

Официантка в кокетливой пилотке и лососевого цвета униформе в обтяжку презрительно косилась на деревенский ватник Таиси, который была на моих плечах.

Позвонила Юлька, прощбетала свои новости на сегодня: они выступают уже в другом райцентре и там кормят лучше.

В квартире было пусто. Я знала, что тетя похоронена, но какая то часть ждала, что она вот-вот откроет дверь и войдет вопреки всему. В спальню ее я не хотела больше заходить. Потом, когда почувствую, что это будет не так больно.

Второй день я пользовалась общественным транспортом, так как оказалось, что кроме замены стекла, Волга нуждалась в дополнительном ремонте. Побывала у Таисии, она была все в том же состоянии но врач сказал, что функции постепенно восстановятся. Я вышла из больницы и терпеливо стояла в толпе тамбовчан, выглядывая когда появится мой автобус.

— Аленушка! — рядом хлопнула дверь автомобиля.

Иван бежал ко мне с ослепительной улыбкой.

— Я так ждал что ты позвонишь.

— Мне было некогда, Иван, — ответила я, искренне радуясь нашей встрече.

— Занята, понимаю, нам бедным Иванушкам остается только и мечтать о прекрасной Аленушке. Ну да визитка плохая идея, хочешь прицеплю алые паруса на нашу Газель и подъеду к вашему интернату. А ты выскочишь, протягивая руки "Ваняня!" А все ваши будут смотреть в окна и радоваться нашему счастью, — болтал Иван.

Я невольно засмеялась от такой картины.

— Нет, — сказала я — не хочу, паруса будут хлопать, задевать соседний транспорт ты насобираешь штрафов и ругательств. У меня другое предложение, давай посидим в одном кафе, там очень вкусный суп. Ничего что я в ватнике?

— Давай, — легко согласился Иван — и давай сейчас, мой организм говорит, как раз Час Супа. А ватник у меня самого лежит в Газели, очень удобно при разгрузке, да и вообще незаменимая вещь.

Мы сидели в том же кафе, Иван был одет в кашемировое пальто, я же была в том же самом Таисином ватнике, а та же самая официантка в лососевого цвета униформе, делающая большие глаза ходила мимо. Весь ее вид говорил: смотри, какая ушлая, только из деревни, а уже вон какого парня подцепила.

Я подмигнула официантке, та с презрением отвернулась и ушла.

— Тетю у меня убили, сказала я Ивану. — Познакомилась с гастарбайтером Селимом.

Иван нахмурился припоминая:

— Селим? У меня работал грузчиком на складе с месяц Селим молодой тихий был услужливый, парень, ушел. Да работал он плохо, ленился или не понимал, не знаю.

— Может и он, ответила я зачерпнув ложку дымящегося супа. — Приехал, огляделся, и решил зачем работать. когда можно романтических пенсионерок грабить.

— Похоже на то, согласился Иван.

Вечером я брела в подъезд нашего дома, думая о разных вещах, о том что завтра приедет моя красавица, что Иван славный парень, как вдруг почувствовала движение воздуха. Я инстинктивно отскочила, но сильный удар свалил меня с ног и я потеряла сознание.

Когда открыла глаза, было темно, и какая то тетка с шальными глазами, подсвечивая себе телефоном держала в руке пистолет, выглядываясь в меня. Я с трудом узнала круглолицую цыганку. Она изменилась, выглядела теперь матерой женщиной с двойным подбородком.

Мои руки были стянуты сзади, мой рот заклеен.

Цыганка мстительно проговорила:

Ты Василия убила, его мать и бабушку убила, я тебя долго искала и ты теперь подохнешь.

Она чиркнула ножом по моей шее показала мне кровь. Подумалось, она повторяет то, что я делала с ней.

Цыганка прошипела глядя мне в лицо:

Я оставлю тебя до утра, а утром приду посмотреть, сколько крысы отъедят от тебя живой.

Женщина поднялась, хлопнула дверь подвала и наступила крошечная тьма.

В подвале было холодно, я подергалась, стараясь освободиться, но скоро выбилась из сил, закрыла глаза и впала в забытие.

Ничего не надо только спать... Неожиданно почувствовала чье то присутствие, неохотно разлепила глаза

Передо мной стоял бледный и спокойный Саня.

— Саня?

— Не спи Алена, шевелись-, твоё время ещё не пришло, прошептал призрак.

— Саня! промычала я под лентой

Но мой друг отступил назад и исчез как и не было. То ли сон то ли явь.

Сонливость улетучилась, я разозлившись на себя стала шевелиться, поднялась на ноги и провалившись спиной к стене стала двигаться. Через короткий промежуток, я почувствовала торчащий штырь в стене, похоже что арматура. Немея от холода, изогнулась, подцепив штырем скотч на связанных руках и стала двигать вверх вниз, поскуливая от боли. Пленка упорно не поддавалась. Я уже хотела бросить, лечь и умереть, но упрямство давало мне силы

Наконец когда я уже не чувствовала ни ног, ни рук скотч лопнул посередине, Сняла с запястий, осторожно стянула с губ, подвигала ими.

Я стала обследовать подвал, в пыли нашла пустую бутылку. Разбила о стену, получилась отличная розочка, Теперь бы не замерзнуть.

До утра я бегала, распугивая крыс, топала и говорила себе

Я выживу.

Рано утром послышались шаги, я упала и скорчилась эмбрионом, спрятав свободные руки за спину. Круглолицая зашла, я лежала скорчившись, опустив голову и спрятав руки с розочкой. Она захихикала и подняла пистолет В этот момент жирная крыса пронеслась в её сторону. Цыганка взвизгнула, я моментально дернула её за ногу, та взмахнула руками и свалилась, выстрел ушел в потолок.

Я выкрутила пистолет из неожиданно слабой руки врага и наставив на неё, спросила:

Как ты меня нашла?

— По фотографиям, — злобно отозвалась та.

Оказалось, что в бумагах после смерти Василия остались фото Юльки, меня и Андрея с подписанными фамилиями. Круглолицая увидев снимки, сопоставила факты, вспомнила странную старуху с молодыми руками и шеей. Найти меня было делом техники, фамилию я не меняла.

— Зря ты приехала, — констатировала я и выстрелила ей в голову. В подвале разлился запах крови так знакомый и в который раз. Возбужденно запищали крысы.

Я обтерла пистолет, вложила в не успевшую закороченеть ещё мягкую и теплую руку. В карманах нашла три фотографии, мою, Юлькину и Андрея, забрала с собой вместе с непригодившейся "розочкой".

На негнущихся ногах я выбралась наверх, оставив моего врага на съедение голодным тварям. Я не чувствовала ступни и до колен совсем ничего, шагая словно на протезах и

надеясь, что никого из соседей не встречу на пути. Как робот поднимая ноги, я добралась до квартиры, дрожащими руками достала из аптечки аспирин и пустила холодную воду. Холодная вода казалась горячей, замерзшие нервные окончания отогревались, вызывая дикую боль. А потом, когда мои ноги стали меня слушаться, я пустила теплую воду и лежала в ванной бесконечно долго, периодически сливая остывшую и добавляя горячую.

И когда вышел мороз из костей, а тело размякло, я вылезла из ванны, обтерлась полотенцем, чувствуя покалывания в ступнях.

Закутавшись в халат, я залезла под одеяло и сказала сама себе словно оправдываясь "Мне бы хотелось никого не убивать. Но другого выхода не вижу. Врагов щадить нельзя. Великодушие они принимают за слабость."

"А завтра придет Юлька", с этой мыслью я отрубилась в крепком сне.

Эпилог

Белый кудрявый ягненок боднул Юлькину ладошку, она засмеялась и почесала его по лбу между намечающихся рожек.

Артемьич глядя на идиллию спросил,

— Когда срок то подойдет дочка?.

— В конце октября Артемьич, — отозвалась я погладив свой округлый живот под просторным ситцевым платьем.

— А вот и Ваня едет— по далеким клубам пыли в начале деревни определил Артемьич.

Старый фермер больше не стоял на рынке, а поправившаяся Таисия была только рада этому.

Фермеры с Иваном заключили договор и раз в месяц приезжала служебная Газель с надписью на борту "Оргтехника" за свежими яйцами, курятиной и свининой. Такое положение дел устраивало обе стороны. Артемьич продавал свою продукцию прямо из дома, а работники Оргтехники имели высококачественное питание по сносным ценам.

Дом мой отделан, разведены контуры отопления и теперь я с удовольствием провожу время в собственном поместье, порой развлекаясь метанием ножей на заднем дворе. Иван думает, что это моя забава из босоногого детства. Мы поженились через полгода после первой встречи и нам очень хорошо вместе. Но я рассказала мужу сильно отредактированную версию своей жизни.

Я не расскажу мужу да и никому в мире, про то что давно прошла рубеж “не убий”.

Этот черный ящик будет закрыт навечно.

Я научилась прекращать чужую жизнь и без сожаления оставлять позади мертвые тела. Во зло или благо мой новый навык? Я думаю, что во благо.

Я имею право на защиту дорогих мне людей. Крысы берут наглостью и нападают на тех, кто не даст отпор, кто не защищен физической силой, деньгами, связями или кланом.

Но, крысиное племя не имеет понятия, что скромная учительница рисования имеет кладбище личных врагов и это кладбище круглосуточно открыто для приема новых постояльцев.

Я поднялась со скамьи, поддерживая тяжелый живот и помахала рукой Ивану, который широко улыбался из подъехавшей Газели.

Больше книг на сайте - Knigoed.net